

Vera Kurian
NEVER SAW ME COMING

Вера Куриан

ТАЙНЫЙ

КЛУБ

ПСИХО

ПАТОВ



Москва
2022

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К93

Vera Kurian

NEVER SAW ME COMING

Copyright © 2021 by Albi Literary Inc.

Куриан, Вера.

К93 Тайный клуб психопатов / Вера Куриан ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-164195-5

Для всех Хлоя Севр — отличница-первокурсница, красотка, обожающая фитнес и студенческие вечеринки... Но еще она — диагностированная психопатка. И прямо сейчас замышляет убийство давнего знакомого — этого придурка, посмеявшегося очень жестоко ее унизить.

Хлоя — одна из семи студентов колледжа, участвующих в необычном эксперименте: клиническом исследовании психопатов — людей, не способных к эмпатии, никогда не испытывающих чувства вины, стыда или страха. Она согласилась на это, чтобы подобраться ближе к будущей жертве. Но когда одного из участников исследования находят убитым, а вокруг начинается очень опасная игра, Хлоя быстро осознает, что из охотника превратилась в добычу... Чтобы вычислить и обезвредить неведомого убийцу, ей нужно понять, можно ли довериться кому-то из таких же психопатов, как она. Но ведь все знают, что психопату нельзя доверять ни в коем случае...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-164195-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Обратный отсчет: 60 дней

Едва только захлопнув дверь своей новой комнаты в общежитии, я сразу бросаюсь к окну, высматривая его в огромном внутреннем дворе, вокруг которого прямоугольником выстроились здания университетского кампуса. Хотя непохоже, чтобы сейчас он вдруг оказался где-то там, среди нагруженных чемоданами и коробками родителей первокурсников или горстки студентов, растянувшихся на траве.

Но нет. Вот они — до боли знакомые грязно-желтые патлы. Уилл! Но тут патлатая голова поворачивается, и я понимаю, что это всего лишь какая-то девчонка с неряшливой прической. М-да, вообще-то в свой самый первый день в универе можно было бы выглядеть и поприличней...

Отворачиваюсь от окна и оглядываю свое будущее обиталище с его унылыми линолеумными полами, мысленно составляя список первоочередных дел. 1. Избавиться от матушки. Вычеркиваем. Она уже свалила и сейчас наверняка гонит по трассе И-95, открывая на ходу бутылку шампанского — на радостях, что наконец-то сбавила меня с рук долой. 2. Застолбить самое выгодное место в двухместном блоке, пока не объявилась моя соседка, Джессика. 3. Завязать несколько новых знакомств (желательно от шести до восьми человек), после чего перейти к пункту 4: зарегистрироваться в указанном мне кабинете на психфаке. 5. Найти Уилла.

Нам с Джессикой достался блок с двумя отдельными спальнями, причем одна явно больше другой. И хотя в иной ситуации моим нормальным побуждением было бы захватить ту, что попросторней, я сразу увидела основной ее недостаток. Окна в ней выходят прямо на двор. А что, если посреди ночи мне приспичит потихоньку улизнуть через окно и так же незаметно вернуться обратно? В наши дни у каждого наготове мобильник с камерой, чтобы тут же заснять что-нибудь хотя бы отдаленно интересное, и в этом случае меня будет легко засечь из соседних общаг и учебных зданий, окаймляющих двор, — слишком уж много зрителей, на мой вкус.

В итоге выбираю комнату поменьше. Подобная щедрость заработает мне дополнительные очки с моей новой соседкой, но, что гораздо важнее, окно здесь выходит на глухую кирпичную стену соседнего здания, а прямо к нему приделана металлическая пожарная лестница — просто идеальный вариант, если мне понадобится незаметно войти или выйти. Перетаскиваю туда коробки и застилаю кровать, водрузив сверху своего огромного плюшевого кита, чтобы окончательно застолбить территорию. Голоса из коридора так и взывают ко мне, и теперь остается лишь побыстрее застолбиться и в коллективе, в котором мне предстоит существовать.

Перед тем как выйти из комнаты, подвергаю себя беглому осмотру, освежив блеск на губах и приведя в порядок волосы. Прическа как раз в меру: свободная боковая французская коса, словно заплетенная наспех, но на деле требующая довольно много возни, чтобы выглядеть небрежно и непринужденно. В глазах окружающих я должна быть того рода девчонкой, которой не надо прикладывать каких-то особых усилий, чтобы естественным образом выглядеть и слегка сексуально, и при этом достаточно целомудренно, даже просто скатившись утром с кровати. Когда отвечаешь каким-то объективным стандартам внешней привлекательности, люди думают, что ты лучше, чем на

самом деле, — умней, интересней, заслуживаешь большего внимания. А если и ведешь себя соответственно, то мало кто перед тобой устоит.

Через весь наш корпус под названием «Брюсер» тянется один длинный коридор с двухместными жилыми блоками по обеим сторонам — комнатами, как их тут для простоты дела называют. Засовываю голову прямо в соседнюю дверь, где две брюнетки селятся вытащить толстое пуховое одеяло из пластикового пакета.

— Привет! — жизнерадостно восклицаю я. — Я Хлоя!

Для них я могу быть кем угодно. Хохотушкой, простой незакомплексованной девчонкой, потенциально лучшей подругой — той, с кем можно делиться девичьими секретами во время полуночных посиделок у холодильника. Когда я таким вот образом навожу мосты, то каждый раз играю какую-нибудь маленькую подходящую случаю роль, порой всего несколько секунд, но если мне надо кого-то конкретно захмутать, то могу и выложиться по полной. Могу выглядеть моложе, если надо: нацепить что-нибудь посвободнее, чтобы скрыть фигуру, заставить свои глаза сверкать придурковатым восторгом — святая простота, да и только. Могу выглядеть старше, тщательно подобрав макияж и одежду, засветить соблазнительные ложбинки на теле, если потребуется. Это достаточно просто, потому что люди склонны видеть то, что хотят видеть.

Перехожу от двери к двери. Комната 202.

— Боже, просто чудо, что за волосы! — лепечу я энергичной улыбчивой блондинке, которая, по моим прикидкам, явно окажется в центре общего внимания.

Комната 206.

— А вы, часом, не братья? — робко интересуюсь я у двух парней, явно гребцов, причем из одного слаженного экипажа (классные тела, но совершенно детские личики — не в моем вкусе). Двое из ларца, одинаковы с лица... Они ухмыляются в ответ, поглядывая на мои титьки, и каж-

дый пыжится выдать что-нибудь остроумное. Без особого, впрочем, успеха.

В комнате 212 парочка каких-то скромняшек. Держатся неуверенно. Веду себя с ними приветливо, но надолго не задерживаюсь, поскольку знаю, что ключевыми игроками им тут не бывать.

Знакомясь с будущими сокурсниками, одновременно прикидываю, кто из них, скорее всего, впишется в ту часть студенческой жизни, которую принято именовать «греческой»¹. Уилл тоже состоит в студенческом братстве «Сигма-Альфа-Эпсилон», и одна из моих первостепенных деловых задач — проникнуть в ряды этого братства. «Двое из ларца» уже в коридоре, шумно обсуждают намеченный на вечер поход в какой-то клубешник. Тусовка в первый же день — это хорошо: ребятки, похоже, из тех, кого примут в братстве с распростертыми объятиями, а чья-то рекомендация мне явно не помешает.

— Обожаю танцевать! — восторженно объявляю я это, как его, который повыше, тербя кончик косички. — Самый лучший способ познакомиться с людьми поближе.

Он улыбается мне с высоты своего роста, весело прищурившись. Если в старших классах школы я чему и на-

¹ Большинство американских студентов состоит в так называемых «братствах» и «сестринствах» — общественных объединениях, не привязанных к какому-то конкретному учебному заведению. Названия их обозначаются одной-двумя буквами греческого алфавита, поэтому жизнь такого студенческого братства именуется «греческой». Кое-что из структуры, иерархии и традиций таких братств заимствовано у масонских лож — в частности, вступительные ритуалы, нередко связанные с тяжелыми, унижительными, а порой и откровенно рискованными заданиями для новичков (известны даже случаи гибели студентов во время испытательного срока). Хотя полезные функции у таких братств действительно есть (помощь в учебе, обеспечении жильем и т. д.), на самом же деле главная их задача — как следует оттянуться в духе разгульного средневекового студенчества. *Здесь и далее — прим. пер.*

училась, так это тому, что любое совместное времяпрепровождение, не связанное с учебой, тоже подчиняется ряду определенных правил — это игра, в которой постоянно ищешь свое место в сложившейся иерархии, пытаешься всеми правдами и неправдами пробиться наверх и оказаться в центре внимания. Будь той, кого парни мечтают отыметь, иначе так и останешься для них совершенно невидимой. Будь той, кого девчонки хотят во что бы то ни стало затащить в свой тесный кружок — неважно, в качестве подруги или соперницы, — иначе так и помрешь совершенно никому не нужной.

Даже по этим беглым знакомствам я могу судить, что в этом корпусе нет никого из моей программы. До сих пор я еще не встречала людей, подобных себе, но когда это со временем произойдет, думаю, это будет скорей похоже на встречу двух волков в ночи, которые, обнюхавшись, сразу же признают друг в друге собрата-хищника. Но сомневаюсь, чтобы организаторы разместили хотя бы двоих из нас в одной и той же общаге — в программе всего семь участников, так что всех наверняка раскидали по разным местам — как говорится, на всякий пожарный.

И вот наконец настает время оставить моих новых знакомых наедине с их собственными делами и идти регистрироваться в программе.

Психологический факультет в противоположном углу двора, по диагонали от моего корпуса, и хорошо виден из окон общей комнаты нашего двухместного блока. Густо поросший травой двор крест-накрест пересечен кирпичными дорожками, и на каждом из кирпичей высечено имя какого-нибудь выпускника — типа «Джон Смит, выпуск 2003», и так далее. Забавно: Уиллу так и не достанется такой вот кирпич, в отличие от меня. Над одной из самых больших общаг, Тайлер-холлом, растянут огромный транспарант: «ПРИВЕТ ПЕРВОКУРСНИКАМ!!!» Останавливаюсь, чтобы щелкнуть селфи с этим транспарантом на заднем плане: смотрите, люди, в каком восторге эта девчонка от

своего первого дня в колледже — ведет себя так, как в таких случаях и полагается!

То, что в итоге я оказалась в университете имени Джона Адамса¹, — это практически перст судьбы. С учетом задуманного меня устраивал в первую очередь Вашингтон или его окрестности, так что я подала заявления в Джорджтаунский и Американский университеты, университеты Джорджа Вашингтона и Джона Адамса, в Католический университет и Колледж Троицы — все они расположены в пределах округа Колумбия². Чисто для подстраховки подала документы и в чуть более удаленные учебные заведения вроде Джорджа Мейсона и Мерилендского университета. Приняли меня во все, кроме Джорджтауна³. Хотя ну их в жопу. Школу я закончила с отличием: ай-кью — 135 пунктов (до уровня гения всего пяти не хватает), круглые пятерки по всем предметам, стандартизованные тесты пройдены на ура. Большая часть моего гардероба куплена на средства, заработанные написанием работ для других абитуриентов. Интересно, скольким из них удалось поступить в колледж благодаря проникновенному сочинению про умирающую от рака бабушку, которой у них в жизни не было?

Практически везде мне сразу пообещали стипендию, но предложение от Адамса оказалось самым заманчи-

¹ Джон Адамс (1735—1826) — первый вице-президент и второй президент США, личность реально существовавшая, а вот университет его имени в Вашингтоне вымышленный.

² Округ Колумбия (*англ.* District of Columbia, или DC) — фактически город Вашингтон вместе с его городами-спутниками, самостоятельная территория, не входящая ни в один из штатов. Именно так — Ди-Си — американцы чаще всего именуют свою столицу, во многом для того чтобы не путать ее с одноименным штатом на северо-западе страны.

³ Джорджтаунский университет — католический (иезуитский) частный университет в Вашингтоне, основанный в 1789 г., очень престижное учебное заведение. Один из пяти ведущих университетов в мире в области политических наук и дипломатии.

вым. Даже если бы я не подошла для психологического исследования, меня все равно ждала щедрая финансовая поддержка, предоставляемая абитуриентам моего уровня, чтобы заманить их в программу обучения по модели свободных искусств и наук¹. Но меня это не волновало — из-за Уилла университет Адамса всегда стоял для меня на первом месте. Еще один бонус — это его местоположение: практически в самом центре Вашингтона, перенаселенного города с довольно высоким числом убийств на душу населения. Кампус располагается в недавно обновленном микрорайоне под названием Шо, чуть восточней пафосной Логан-сёркл и к югу от Ю-стрит², весьма популярной среди тусовщиков. Несмотря на то что рестораны и питейные заведения в этом райончике в основном приличные, публика тут регулярно бьет друг другу морды по пьяни, порой пуская в ход ножи, а случайного прохожего могут ограбить прямо посреди бела дня. Правоохранителям здесь и без того дел по горло из-за бесконечной череды всяких маршей протеста, международных конференций и дипломатических визитов — наверняка им глубоко насрать, что там на уме у какой-то случайной восемнадцатилетней девчонки с «Айфоном» в руке и ангельским выражением на лице.

¹ Активно продвигаемая в последнее время система высшего образования, толком объяснить которую не всегда способны и самые рьяные ее адепты. Одно из определений звучит так: «Гибкий план обучения, совмещающий широту дисциплинарного охвата с глубиной изучаемого предмета, поощряющий междисциплинарность и предоставляющий студентам максимально возможную свободу выбора». В общем, это нечто вроде принятой еще в Средние века системы, основанной на «энциклопедических» знаниях общего характера, но все-таки с какой-то конкретной специализацией.

² В Вашингтоне, как и в ряде других крупных городов США вроде Нью-Йорка, некоторые улицы названы буквами латинского алфавита. «Пронумерованные» улицы и авеню, кстати, здесь тоже имеются.

Мрачноватое здание психфака мне сразу понравилось — натуральный средневековый замок. Его красно-кирпичные стены густо затянуты плющом, а стекла в тяжелых чугунных рамах кажутся слегка волнистыми, словно оставшимися с каких-то древних времен. Огромный, похожий на пещеру вестибюль тускло освещен большой люстрой с помигивающими желтоватыми лампочками, и пахнет здесь старыми книгами. Входя, представляю себе, будто за мной катит киношная камера на тележке, а зрители замирают при мысли об опасностях, которые могут поджидать меня внутри. Вид у меня такой умильно-беззащитный, что они за меня точно переживали бы.

Поднимаюсь по винтовой лестнице на шестой этаж, где мне предстоит зарегистрироваться в качестве участника программы. Комната 615 прячется в самом конце длинного коридора: не сразу и найдешь. Табличка на двери гласит: «Леонард Уимен, доктор наук; Елена Торрес, кандидат наук». Узнаю эти фамилии из выданных мне документов.

Стучусь, и через несколько секунд дверь распахивается.

— Ага, вы, должно быть, Хлоя Севр! — восклицает открывшая мне молодая женщина.

Протягивает мне руку. Наверняка у них на меня полное досье. У меня уже была куча телефонных собеседований с какими-то их сотрудниками и одно с самим Уименом, плюс они успели опросить мою мать и моего школьного психолога.

Рука у женщины костлявая, но сухая и теплая, в шоколадно-коричневых глазах ни капли страха или даже опаски.

— Меня зовут Елена, я помощница доктора Уимена, его бывшая аспирантка.

Улыбнувшись, она жестом приглашает меня войти. Проводит меня через довольно захламленную приемную, мимо заваленного бумагами письменного стола с тремя ноутбуками и дальше по коридору в кабинет поменьше, очевидно, ее собственный.

Закрывает за нами дверь.

— Сейчас мы всё устроим. В бухгалтерии уже были? Стипендию оформили? Компенсацию тоже?

Как и всем семи участникам исследования, мне, помимо всего прочего, был предоставлен и бесплатный проезд до места учебы. Все, что от меня требовалось взамен, — это желание на полный рабочий день стать подопытным кроликом в том, что называется «Многоподходное исследование на группе испытуемых с диагнозом «психопатия».

Киваю, озираясь по сторонам. Стеллажи в кабинете забиты книгами и стопками распечатанных статей. Три выпуска «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам»¹ за разные годы. Множество каких-то толстенных трудов по «аномальной» психологии. Книга «Без сознания» Роберта Хейра², которую я уже читала...

— Отлично, — говорит Елена. Открывает что-то у себя на компьютере. Подобрал с коврика для мыши ячменную булочку, откусывает, шумно жует. Симпатичная тетка, пусть даже и типичная аспирантка. Оливковая кожа, красиво очерченные выступающие ключицы... Так и представляешь, как она по уши влюбляется в какого-нибудь тощего очкастого «ботаника» и пытается завести детей, когда поезд уже давно ушел.

— Ага, вот оно...

Хозяйка кабинета несколько раз щелкает мышью, и принтер оживает. Когда она встает, чтобы достать распечатки, наклоняюсь, пытаюсь разглядеть экран компьюте-

¹ ДСР (DSM, Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders) — «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам», выпускаемое и регулярно обновляемое Американской психиатрической ассоциацией (АПА): ряд психических заболеваний и расстройств иногда меняет свой статус и попадает в иные категории.

² Роберт Д. Хейр (р. 1934) — канадский психолог, известный своими исследованиями в области психологии преступников.

ра, но монитор прикрыт по бокам защитными шторками. Не знаю, насколько все это секретно, но мне все-таки уже удалось выяснить, сколько студентов участвует в программе, пока один из администраторов в бухгалтерии занимался моей стипендией и прочими компенсациями. Просто умираю от любопытства, кто же остальные шестеро. Что это за лучшие из лучших с мозгами набекрень?

Елена вручает мне стопку документов на скрепках — формы информированного согласия на мое участие в различных опытах и экспериментах, гарантии того, что мои личные данные не будут переданы третьим лицам, что исследования, проводимые при помощи компьютерной техники, связаны с минимальным риском, а образцы крови забираются только лицензированным медработником и так далее, и тому подобное. Потом опять еще что-то о защите личных данных, отслеживании местоположения — тут я вчитываюсь повнимательней — и о том, что по закону они обязаны проинформировать соответствующие органы, если я буду представлять угрозу для самой себя или для окружающих. Да ради бога! Я вовсе не собираюсь вести себя так, чтобы представляемая мною угроза стала общеизвестным фактом.

Заканчивая подписывать документы, вижу, как Елена достает из сейфа небольшую коробочку и вынимает из нее что-то блестящее.

— А вот ваши смарт-часы.

Чудо что за вещица! Они черные и глянцевые, словно из какого-то шпионского фильма.

— Вы должны постоянно их носить, как и оговорено. Они фиксируют ваш пульс и фазы сна — и да, часы водонепроницаемые, кстати, так что не снимайте их перед тем, как принять душ. Можете в них даже купаться.

Протягиваю руку, и Елена торжественно застегивает их у меня на запястье, словно ювелир, надевающий на руку покупателя драгоценный браслет.

— Если они не подходят вам по стилю, можете просто снять ремешок и повесить их на шнурке за пазухой. Когда

к вам поступит запрос мониторинга настроения, на экране появится вот такая иконка.

Она нажимает какие-то клавиши на своем компьютере, и на черном экране смарт-часов возникает красный восклицательный знак. Елена показывает на него, предлагая прикоснуться к нему пальцем, как к экрану смартфона. Когда я это делаю, восклицательный знак исчезает, сменившись текстом, спрашивающим меня, чем я в данный момент занимаюсь, а также вопросом: «Насколько хорошее у вас сейчас настроение? 1 2 3 4 5 6 7».

— Мониторинг настроения не занимает много времени, — объясняет Елена. — Максимум пару минут. Предполагается, что вы должны дать ответ сразу после поступления уведомления — это наша попытка оценить, как люди действительно чувствуют себя на протяжении обычного дня, не в искусственных лабораторных условиях. Но вполне можно немного отложить заполнение опросника, если вы, например, на экзамене или пишете контрольную — мне бы не хотелось, чтобы ваш преподаватель подумал, что вы списываете, или еще чего.

— А преподаватели в Адамсе в курсе, что я участвую в исследовании?

— Нет, ваше участие в программе и диагноз совершенно конфиденциальны.

— И эти часы постоянно отслеживают мое местонахождение?

— Нет. В смысле, иногда они все-таки связываются со спутниками, но нет, мы получаем данные о вашем местоположении только в момент передачи ответа на запрос о настроении, поскольку нам нужно понимать ситуацию, в который вы находитесь, и по какой причине чувствуете себя тем или иным образом. По-моему, вам и самой будет интересно посмотреть, насколько это поможет вам понять ваши собственные эмоции.

Елена широко улыбается мне, демонстрируя щербинку на зубе. Сказанное вызывает у меня некоторое об-

легчение. У меня уже успел возникнуть и запасной план, естественно, — просто снять часы и оставить их у себя в комнате или, может, спрятать где-то в вещах Джессики, чтобы они отслеживали ее, а не меня, если я вдруг затею что-нибудь нехорошее. Обязаловка превращается в алиби: часы говорят, что я сижу дома за учебниками, попивая молочко!

— А как часто надо будет являться на другие эксперименты?

— Это необязательно эксперименты. В основном просто обследования. Но в любом случае не чаще, чем один или два раза в неделю, а МРТ¹ вообще планируется за несколько недель вперед.

Я просто в восторге от своих новых часов. Когда прикасаюсь к их черному циферблату, они тут же просыпаются, показывая набор крошечных, но тщательно проработанных иконок.

— А как насчет остальных шести студентов? Я буду с ними встречаться?

— Вообще-то не лицом к лицу, но вполне можете случайно пересечься с кем-то из них по ходу пьесы.

Хм, интересно. Да, я здесь не только ради бесплатного обучения и стипендии, а в первую очередь для того, чтобы оказаться в том же городе, что и Уилл, но давайте по-честному: люди любят психологию, поскольку людям свойствен нарциссизм. А уж мне, как психопату, тем более.

Елена собирает все бумаги в стопку, выравнивает ее о стол.

— Вам еще предстоит вводная встреча с доктором Уименом на этой неделе, но сегодня от вас больше ничего не требуется, так что добро пожаловать в программу!

¹ МРТ (магнитно-резонансная томография) — способ получения послойных медицинских изображений для исследования внутренних органов, в том числе головного мозга.

С моей новой игрушкой, красующейся на запястье, направляюсь через двор обратно в общагу, надеясь, что Джессика уже успела заселиться. Джессика — пока что главный джокер в моей колоде: это тот человек, который может вольно или невольно всерьез усложнить мою жизнь и планы, и мне хочется поскорее узнать, какой соседкой она окажется. Если это не какая-то клуша, то мы составим с ней влиятельную пару в «Брюсере». Если она чересчур любопытна и любит совать нос в чужие дела, то передо мной возникнет еще одна проблема, требующая решения.

Слышу какое-то движение за дверью, прежде чем успеваю ее открыть. Долговязая девица с орехово-коричневой кожей и густой шапкой темных волос, волнами спадающих на плечи, заталкивает в угол картонную коробку.

— Хлоя! — радостно кричит она. Подходит ко мне с широченной улыбкой на лице, и мы пожимаем друг другу руки. — Я Джессика!

У нее огромные темные глазищи, обрамленные густыми, скорее всего накладными ресницами. Пять баллов за хорошую кожу и за мягкие сапожки без каблука в эльфийском стиле. Пять с плюсом за мини-холодильник.

— Я только приехала! Мне так стыдно... тебе точно больше нравится та комната, что поменьше?

— Все нормально — предпочитаю окна на ту сторону.

Помогаем друг другу разобрать вещи, болтая о всякой ерунде, как это обычно делают девчонки, решаем, что куда засунуть, и я продолжаю оценивать ее. В итоге прихожу к мнению, что дополнение это скорее положительное, чем отрицательное. Она симпатичная, веселая и вроде как полная пофигистка — короче, не из тех, кто будет заглядывать в мой компьютер или кривить физиономию, если я приведу домой парня. Более или менее разобрав барахло, выходим с ней в шумный коридор к остальным. Здесь всё продолжают обсуждения, куда бы податься вечером.

Я в нетерпении. Знаю, что первым делом нужно провести подготовительную работу — сформировать альянсы, произвести хорошее впечатление, — но хочется поскорей перейти к делу. Сегодня двадцать четвертое августа, первый день «Недели первокурсника», предоставляемой будущим студентам для знакомства с университетом и кампусом, и ровно шестьдесят дней до двадцать третьего октября — даты, которую я тщательно выбрала. Это оставляет мне достаточно пространства для маневра, но, что более важно, в этот день в Вашингтоне будет проходить масштабный марш протеста, центром которого станет главная аллея парка «Национальный молл». Вообще-то намечается слияние сразу нескольких совершенно разных политических акций: марша за свободу слова, марша за импичмент президенту (который в контрах к маршу за свободу слова) и демонстрации в защиту Земли. Основываясь на публикациях в соцсетях, а также данных о бронировании жилья в «Эйрбиэнби»¹ и предварительных продажах автобусных билетов, телекомментаторы предсказывают, что подобное политическое рвение самого противоречивого толка приведет к тому, что явка на этот совместный марш потребует привлечения всех городских ресурсов. Момент будет самый подходящий. Ранее в новостях уже не раз сообщалось, как подобные широкомасштабные мероприятия приводят к перегрузке сотовых сетей. Полиция будет по уши в протестующих и погромщиках, как это происходило на протяжении последних нескольких лет. Наступит натуральный хаос.

Это просто идеальный день, чтобы убить Уилла Бэчмена.

¹ «Эйрбиэнби» (англ. Airbnb) — популярная интернет-платформа для временной аренды жилья, в первую очередь в частном секторе.

2

Вот то, что мне известно про Уилла Бэчмена.

Проживает по адресу Северо-западная Мэрион-стрит, 1530, в точности в одной тысяче шестистах семидесяти пяти футах¹ от моей общаги. Ближайший от его дома отдел полиции в пяти минутах езды. Его дом — часть квартала шпалерной застройки, с обеих сторон к нему вплотную примыкают другие такие же дома. Окна первого этажа и входная дверь забраны железными решетками. В течение прошлого года в непосредственной близости от него совершено тридцать три насильственных преступления — в основном вооруженные ограбления.

А вот что удалось выудить из его аккаунтов в соцсетях.

Уилл Бэчмен — член студенческого братства «Сигма-Альфа-Эпсилон» (САЭ), штаб-квартира которого находится в нескольких кварталах от его дома. Сосед по съемной квартире — некто Корди, тоже из САЭ. Уилл Бэчмен только что перешел на третий курс, специализируется на политологии и подумывает в качестве второй профильной дисциплины взять экономику. Член университетской команды по лакроссу², но еще любит плавание. Я как-то плавала с ним, когда мы были помладше. Любит музыку в стиле «хаус» и курить траву. Владеет черным «Фольксвагеном Джетта», который какой-то урод недавно тюкнул на парковке возле супермаркета «Джайант». Читает «Драдж рипорт»³ и считает, что всех нытиков и либерастов пора давно прижать к ногтю. У него есть мать, которая появ-

¹ 1675 футов — примерно 510 м.

² Лакросс — контактная спортивная игра между двумя командами с использованием небольшого резинового мяча и напоминающих сачки клюшек с длинной рукояткой, нечто вроде хоккея на траве с возможностью высоких бросков из-за головы.

³ «Драдж Рипорт» (англ. Drudge Report) — новостной интернет-ресурс правого толка, нечто вроде дайджеста материалов из других изданий с короткими редакционными комментариями.

ляется на публике исключительно в жемчугах и волонтерствует в «Красном Кресте», и младший брат, проживающие по адресу 08754, Нью-Джерси, Томз-ривер, Хоппер-стрит, 235.

Могу предположить, что затаривается Уилл в основном в «Джайанте» в Шо, поскольку именно там ему и помяли тачку, а в каком-то из интернет-постов он жалуется, что в ближайшем от его дома супермаркете «Сейфуэй» «полно всяких мудаков, из-за которых очередь едва двигается». Я знаю, что он частенько бывает в «Баттеркрим бейкери», поскольку в одном из недавних постов похвастался, что получил там свою десятую порцию кофе бесплатно. Как-то раз Уилл посеял свой мобильник на Четырнадцатой улице, где-то между Пи-стрит и Эс-стрит, возвращаясь домой в изрядном подпитии, так что наверняка частенько зависает в этом районе. А вот забираться восточнее Седьмой улицы не любит «из-за местных»¹. В прямой видимости от входной двери дома Уилла есть небольшая кондитерская. Того рода местечко, в котором можно засесть с чашечкой кофе на несколько часов, и никто и не просечет, что на самом-то деле ты наблюдаешь за домом через дорогу, строя коварные планы.

Нынешний рост Уилла Бэчмена, по моим прикидкам, — шесть футов и один дюйм. Команда по лакроссу в Адамсе не из последних, так что наверняка парень он накачанный и физически явно сильнее меня — то, о чем мне не следует забывать ни на секунду. У него густые светлые волосы и тонкая верхняя губа. Предпочитает рубашки поло и свободные штаны цвета хаки. Носит на шею ожерелье из маленьких белых ракушек.

Его дружки — вполне предсказуемый набор из состоящих в студенческих братствах тусовщиков и игроков в лакросс: в основном белые, с красными от пива физионо-

¹ Восточнее Седьмой улицы в Вашингтоне начинаются кварталы, населенные в основном чернокожими.

миями, на мутных картинках в интернете вечно тычут во что-то пальцами. Они пьют пиво, проводят тематические вечеринки, ходят под парусом на реке Потомак. Для них и тусовка не тусовка, если кто-нибудь в итоге не загремит в больницу с алкогольным отравлением. #YOLO¹

Что же касается Корди, то излюбленные темы его постов — компьютерные игры и НФЛ². Со своей подружкой, Мирандой Йи, они вроде то сходятся, то расходятся, но на данный момент опять вместе, и он частенько остается ночевать в ее квартире на Дюпон-сёркл, оставляя Уилла в полном одиночестве. Еще в их компашку входит Майк Эйри, тоже игрок в лакросс и член САЭ. На фотках этот Майк обычно фигурирует в окружении целой стайки девиц с высунутыми языками, облапив их за плечи. Я запросто могу стать такого рода девицей — из тех, кто проскальзывает в чью-то жизнь и выскальзывает обратно практически незамеченной. Уилл, Корди и Майк недавно участвовали в каком-то мероприятии, организованном неким Чарльзом Портмонтом. Чарльз тоже из САЭ, и его аккаунт в Инстаграме буквально забит постами про всякие светские тусовки. На одной из последних таких фоток Уилл и его дружки во всем белом, на каком-то благотворительном сборище. Поиск на скорую руку в интернете показывает, что отец Чарльза, Люк Портмонт, — председатель национального комитета Республиканской партии от штата Вирджиния, а программа мероприятия включала лобстеров и эксклюзивные коктейли.

У Уилла Бэчмена нет подружки, поскольку братва превыше всего, а бабам доверия нет.

У Уилла Бэчмена наверняка нет ствола — из-за строгих правил касательно оружия в округе Колумбия.

¹ YOLO (*англ.* you live only once) — «живем только раз» — интернет-тег, популярный среди тусовщиков.

² НФЛ (Национальная футбольная лига) — профессиональная лига американского футбола в США.

Уилл Бэчмен постит достаточно инфы про свои занятия в универе, чтобы сообразительный человек мог легко составить его учебное расписание. Хэштег #жизньСАЭ фигурирует в его постах достаточно часто, чтобы запросто предсказать, какого рода движуху он и его сотоварищи по студенческому братству собираются замутить на любых предстоящих выходных. Куда они пойдут и с кем, и до какой степени нажрут.

Уилл Бэчмен слишком много пьет и зависает с людьми, которым до него нет никакого дела.

Уилл Бэчмен уже сделал несколько серьезных ошибок. Уиллу Бэчмену осталось жить ровно шестьдесят дней.

3

Открыв дверь, Леонард пригласил Хлою Севр в свой кабинет.

— Я доктор Уимен, директор программы, но можете называть меня просто Леонард.

Девушка прошла внутрь, с любопытством оглядывая обстановку.

— Садитесь, где вам будет удобно, — произнес он, указывая на несколько стоящих перед письменным столом разномастных стульев и кресел. Роста она была небольшого — где-то пять футов пять дюймов¹, с чистой кожей, немного бледноватая. Большие голубые глаза. В легинсах и просторной рубашке вроде туники, темно-каштановые волосы стянуты в конский хвостик на затылке. Выглядит моложе своих восемнадцати — или, по крайней мере, в данный момент. Доктор Уимен уже видел и другие ее версии в соцсетях — броский макияж, коротенькие облегающие платья, высокие каблуки. К своим аккаунтам она явно относится с большим разбором — якобы «спон-

¹ Пять футов пять дюймов — 165 см.

танные» и «небрежные» фотки слишком уж безупречны, чтобы быть таковыми.

Выбрав просторное кресло, девушка уселась на него, поджав под себя ноги.

— Это нечто вроде обычного психотерапевтического сеанса? — спросила она.

— Более или менее, хотя мы в основном сосредоточимся на вашем диагнозе и попробуем обучить вас методам, которыми с ним можно управиться. Как прошла первая неделя?

— Как в тумане, — ответила Хлоя, поднося руку ко рту и прикусывая ноготь. — Я познакомилась с такой кучей народа, что едва помню, как кого зовут. Впрочем, на все нужные мне лекции я уже записалась.

— Подружились с кем-нибудь?

Девушка кивнула.

— С соседкой по комнате — она просто классная, — и еще с кое-какими ребятами из нашего коридора. Мы ходили танцевать. Вы ведь еще не отправляли какие-то опросники, насколько я понимаю?

— То, что вы имеете в виду, — это не опросники, а мониторинг с оценкой по стандартной шкале. Развернутый ответ не требуется — нам нужно просто знать, как вы себя чувствуете в какой-то конкретный момент.

Хлоя опять кивнула, шаря взглядом по толстым томам на стеллаже у него за спиной.

— А когда я познакомлюсь с остальными?

— Тут у нас не группа в детском саду! — пошутил Уимен. Она показала на свои часы.

— Вы используете их вместе с университетской полицией¹ или как? Чтобы знать, где мы?

¹ В принципе, такая же полиция, что и везде, только в качестве «района» выступает территория университета или колледжа с ее студенческой спецификой, а финансирование такого отдела полиции обычно осуществляется за счет учебного заведения. Кстати, до революции университетская полиция, основанная уставом 1835 г., имела и в России.

Леонарду пришлось тщательно сформулировать ответ.

— Ну конечно же нет. Хлоя, нет ничего незаконного в том, чтобы иметь подобный диагноз.

Та угрюмо пожала плечами.

— Люди ведут себя так, будто мы какие-то чудовища. Мой психолог в школе, мама...

— Никакое вы не чудовище.

— Тогда почему вы поставили мне более серьезный диагноз, чем тот, что ставили мне в школе? Это ведь хуже?

— Психопатия ничем не «хуже» диссоциального расстройства личности — это разные вещи, — но люди, к сожалению, частенько путают эти понятия. По-моему, вы, равно как и множество других людей, относитесь к той группе, которым вначале ошибочно поставили ДРЛ, в то время как это должна быть психопатия — а я не убежден, что она относится к «расстройству личности» в классическом понимании этого слова. К несчастью, термин «психопат» прочно связан в общественном сознании с преступностью, поскольку один из основоположников изучения этого вопроса — Роберт Хейр — начал свое исследование именно с преступников и в дальнейшем сосредоточился исключительно на них. Мне бы хотелось, чтобы мы пересмотрели этот термин с более конструктивной точки зрения.

— Так что вы не считаете, что я представляю собой какую-то опасность?

Леонард уже привык к тому, что поступающие к нему пациенты чаще всего ошибочно понимают свой диагноз, наверняка насмотревшись чернушных полицейских телесериалов и фильмов ужасов. Большинство из них были диагностированы и направлены к нему врачами, которые просто уже не знали, что с ними делать, но для намеченного многоподходного исследования подходили лишь немногие избранные. Главные критерии: молодость, достаточно высокий уровень интеллекта и желание испытать свои силы.

— Это очень распространенное заблуждение. По моим собственным прикидкам, психопаты составляют где-то два-три процента всего населения Америки — представляете, какой хаос воцарился бы, если б все они были опасны? В этом смысле я сильно отличаюсь от большинства практикующих психиатров — ну, для начала хотя бы тем, что действительно всерьез занимаюсь исследованием этого вопроса, что делают очень немногие, но также и по той причине, что не рассматриваю это как нечто, отличное от прочих физиологически обусловленных расстройств вроде шизофрении.

— То есть рассматриваете это как обычное сумасшествие, — произнесла Хлоя без всякого выражения, словно недовольная услышанным.

— Ладно, тогда давайте скажем, что это скорее биологически обусловленное ограничение способности понимать и лично испытывать весь спектр человеческих эмоций или же держать под контролем свои импульсивные побуждения.

— В ваших устах это звучит, как дислексия¹ или что-то в этом роде. Моя мама называет это «патологический эгоизм».

— Я не стал бы использовать слово «патологический». Ваш недостаток эмпатии² вызывается тем, как функционирует ваш мозг. Из-за того, что наряду с прочими эмоциями вы точно так же не испытываете чувства страха, то в итоге неосознанно ищите каких-то сильных ощущений. В данном расстройстве наличествует как эмоциональная — отсутствие эмпатии, манипулятивность, напускное обаяние, — так и асоциальная составляющие, и как раз именно эта сторона больше ассоциируется с преступными

¹ Дислексия — избирательное нарушение способности к овладению навыками чтения и письма при сохранении общей способности к обучению.

² Эмпатия — способность к сопереживанию.

наклонностями. Недостаток контроля над импульсивными побуждениями, склонность к рискованному поведению и всё в таком духе. Но в подавляющем числе случаев все это так или иначе сводится к физиологии.

— Если это физиологически обусловлено, почему вы просто не дадите мне какое-нибудь лекарство?

— Типично американский вопрос, не так ли? Но увы — никакой успешной схемы медикаментозного лечения психопатии по-прежнему не существует. Я надеюсь изменить эту ситуацию, а также то, как люди в принципе рассматривают это заболевание. А еще официальную терминологию — всякий раз, стоит появиться душевнобольному серийному убийце или «массовому стрелку»¹, как все с ходу называют их психопатами.

— Но разве многие из нас не оказываются в итоге за решеткой? — возразила Хлоя. Не стала сразу с ним соглашаться. Это сообщило о ней кое-что интересное. Она испытывала его.

— Тюрьмы и вправду переполнены психопатами, составляющими непропорционально большую часть их контингента, но это скорее говорит об отсутствии контроля за импульсивными побуждениями, чем о чем-то еще. Большинство психопатов не оказывается в итоге за решеткой и, выбрав правильный путь, может придерживаться нормального созидательного образа жизни, не разрушая отношений с окружающими.

— А что, если они выберут неправильный путь? Что, если такие люди не считают, что с ними что-то не так?

— Если они не способны самостоятельно разобраться, как жить в этом мире, то да — они могут принимать не-

¹ В отличие от «серийного убийцы», термин «массовый стрелок» в русском языке пока не прижился (к счастью), но в США с некоторых пор прочно вошел в обиход — по причине высокой распространенности явления. Речь идет о преступниках, целью которых является расстрелять за короткое время как можно больше людей — в школах, университетах, ресторанах, на массовых мероприятиях и пр.

верные решения и в итоге закончить свои дни в тюрьме или же так и продолжат использовать в своих интересах других людей, пока не будут вынуждены покинуть родные края и остаться в полном одиночестве.

Она пожевала нижнюю губу.

— И вы думаете, что нечто подобное меня не ждет?

— Я в этом просто уверен. У вас великолепные оценки, а это свидетельствует о том, что вы и вправду способны контролировать свою импульсивные побуждения, когда вам это требуется. У вас есть друзья и увлечения и никакого криминального прошлого.

— Это всего лишь потому, что я ни разу не попала, — с ходу пошутила она. Как и многих психопатов, ее окружала аура свободной уверенности в себе. Никакой неловкости, часто заметной у только начинающих взрослых недавних подростков, все еще неуютно чувствующих себя в собственном теле. — Тогда какая разница между психопатом вроде меня и тем, кто оказывается в камере смертников из-за того, что собрал целую коллекцию человеческих голов?

— Ну, для начала у них недостает вашего умения выйти сухими из воды, — в свою очередь отшутился Леонард, и Хлоя громко расхохоталась. — Это не то, из-за чего вам стоит переживать, — у подобных людей обычно еще и целый букет других проблем. Необратимые последствия черепно-мозговых травм в детстве, склонность к садизму... Но можно не испытывать эмпатии, и не будучи садистом.

— О! — воскликнула Хлоя, отведя взгляд, чтобы уставиться за окно, и с самым серьезным видом нахмурилась. — А что если это как раз мой случай? Что, если моя мама в детстве уронила меня и я стукнулась головой?

— Существует множество факторов, из-за которых люди склоняются в эту сторону. Вам когда-нибудь хотелось причинить кому-нибудь физический вред?

— Вообще-то вопрос с подвохом... Любой когда-нибудь может жутко разозлиться. Порой думаешь: «Господи, так бы их всех и прибила!»

— Но вы же никогда не хотели причинить людям вред, настоящий вред, просто чтобы посмотреть, как они мучаются от боли?

Хлоя пожала плечами, опять прикусив ноготь.

— Только в собственном воображении.

— Вам когда-нибудь приходилось мучить или убивать животных?

— Нет, — твердо ответила она.

«А твоя мамочка совсем другое мне рассказывала», — подумал доктор Уимен, молча пометая в блокноте точное время. Она сказала «нет» с совершенно открытым и честным лицом, ни секунды не колеблясь. Посмотреть переданные в этот момент данные со смарт-часов можно будет и позже — проверить, не изменился ли у нее пульс. Это едва ли детектор лжи — да и не особо-то верил он в подобную технику, — но физиологические особенности психопатов давно интересовали его.

— Я просто хочу жить обычной жизнью. Хочу стать врачом, найти себе достойную пару, завести кучу друзей и, может, вести собственный видеоблог.

— Как и очень многие люди вроде вас. Вы наверняка встречали таких в своей повседневной жизни — журналистов, врачей, учителей, даже руководителей высшего звена.

Хлоя робко улыбнулась. Леонард получил еще одно напоминание, почему он так любит свою работу — из-за таких вот перспектив.

— Так что я все-таки могу стать врачом?

— Если изучите и как следует освоите ту технику, которой мы вас обучим, и не будете нарушать закон, то почему бы и нет? Вы можете стать абсолютно кем угодно.

4

Когда Андре спустился в прихожую, чтобы поставить у двери прозрачный пластиковый контейнер с приготовленными с вечера вещами, в ноздри ему залетел аромат вафель. Обычно этот запах сразу пробуждал у него зверский аппетит, но сегодня утром где-то в желудке закрутился тугой клубок нервов. За последние два года его школьной жизни у них с матерью уже вошло в обычай: он встает пораньше, чтобы позавтракать вместе с ней, прежде чем самому отправиться в школу, а ей — на работу. Ему нравилось это время, когда они ненадолго оставались наедине. Отец часто работал в ночную смену, а Исайя, старший брат Андре, был не из тех, кто встает раньше полудня.

— Все собрал? — спросила его мать, когда он вошел в кухню, и сразу налила ему стакан сока. На ней была голубая форма медсестры, которую она надевала на работу.

— Вроде да. Еще заеду, если вдруг что-нибудь забыл, — отозвался он, усаживаясь за стол. Родители предлагали ему помочь с переездом в кампус, и Андре едва их отговорил, сославшись на то, что живут они в Брукленде, в северо-восточном квадранте¹ Вашингтона, откуда до университета имени Джона Адамса всего полчаса езды на автобусе. Нескрываемое разочарование, которое вызвал у них этот неприкрытый отказ, оставило у него на душе неприятный осадок, но было реально критично, чтобы в Адамсе они появлялись как можно реже, и он отбрехался тем, что они будут его только смущать.

Пока завтракали, смотрели новости на маленьком телевизоре в кухне, где показывали последствия наводнения в Северной Каролине, вызванного ураганом. Этого сюже-

¹ Северо-восточный квадрант Вашингтона — район, населенный в основном чернокожими. Помимо всего прочего, отличается достаточно высоким уровнем преступности и считается опасным.

та, за которым последовал какой-то репортаж о ядерных вооружениях, оказалось достаточно, чтобы мать неодобрительно хмыкнула.

— Андре, ты хотя бы университет закончить успеешь до конца света!

Оба рассмеялись, немного горько и беспомощно, как и вообще большинство людей в эти последние несколько лет, когда основными новостями в телевизоре были лишь очередная стрельба в какой-нибудь школе да оружие друг на друга политики.

После завтрака Андре подхватил обеими руками свой пластиковый контейнер и вышел за дверь вместе с матерью, откуда оба направились к разным автобусным остановкам. Она немного задержалась, чтобы обнять его. Мать у него была худенькая — все Дженсены были худенькими, — и что бы она ни ела, так и не набирала вес. Ее худоба беспокоила его, казалась какой-то нездоровой, но обняла она его с неожиданной силой.

— Тебе точно не надо помочь? Я могу взять отгул...

Андре помотал головой.

— Тогда кинь эсэмэску, как только будешь на месте, — закончила она, как будто он собирался черт знает куда-то за океан.

Андре кивнул и укрылся под навесом автобусной остановки. Дома на Лоуренс-стрит стояли в основном на некотором расстоянии друг от друга — маленькие домики на одну семью в окружении ухоженных садиков. У дома Андре, как и у большинства остальных на этой улице, имелась большая терраса, на которой частенько собирались друзья и знакомые.

Забравшись в автобус, он уселся на свободное место, поставив контейнер с вещами на колени. Шумно выдохнул. «Ладно, — подумал, когда погромыхивающий автобус покатил дальше, — одно дело сделано, так что дальше все будет пучком».

Автобус подкатил к следующей остановке и с шипением пневматики наклонился набок — специально для тех, кому не под силу подняться на ступеньку. Вошла какая-то невысокая женщина, и, едва заметив ее, Андре тут же поднял руку, чтобы помахать ей. Миз¹ Бейкер ходила в одну церковь с его матерью и имела свое мнение относительно всего на свете.

— Андре Дженсен! — промурлыкала она, усаживаясь рядом с ним на противоположной стороне прохода. Плотный набитый контейнер — новенькие учебники наверху, одежда внизу — она явно сразу же приметилла. — В колледж? На чем думаешь специализироваться?

— Да я этот универ еще и в глаза не видел!

— Было же у тебя время подумать.

— На журналистике, наверное. — Ответив, он почувствовал себя слегка по-дурачки — всего два года назад мысль о колледже представлялась совершенно несбыточной мечтой.

— Ну что ж, лучше уж приноси домой одни пятерки!

Ласково похлопав его по плечу, миз Бейкер углубилась в прихваченное с собой вязание. Прислушиваясь к негромкому пощелкиванию спиц, Андре терялся в догадках, что услышат от нее про него остальные дамы в церкви. Чуть ли не у каждого в их районе имелось свое собственное мнение о Дженсенах. Приличное семейство из среднего класса, сраженное жуткой трагедией. Но Дженсены устояли — теперь уже четверо вместо пяти. Это дорогого им стоило — эти вафли на завтрак, вся эта суматоха с отправкой Андре в колледж — улыбка, туго натянутая над бездной печали. Первой поступить в колледж должна была Киара.

Побрякивающий автобус продолжал катить дальше, пересек Тринадцатую улицу. Андре пытался не думать

¹ Миз — госпожа...; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины — как замужней, так и незамужней.

про Киару, но мыслями все равно постоянно возвращался к ней — точно так же, как иногда машинально начинал прикусывать зубами шишечку на внутренней стороне щеки. Больно, но никак не удержаться. Ему было двенадцать в тот день, когда в школе появилась мама — все в той же голубой униформе — и вызвала его из класса. Она *никогда* не прогуливала работу, так что он сразу понял: что-то случилось. Когда они двинулись по улице в сторону дома, мать объяснила:

— У твоей сестры был приступ астмы.

— Вот как?

— В танцклассе. Очень серьезный.

Лицо у матери было какое-то странное — пепельное, застывшее.

— Так она сейчас в больнице?

— Он умерла, Андре, — отозвалась мать. Мимо с ревом пролетел мотоцикл, почти заглушив ее слова, и ему показалось, что он ослышался.

— Что-что?

Она смотрела прямо перед собой, на какой-то невидимый горизонт — так пристально и сосредоточенно, словно все должно было сразу наладиться, когда они доберутся туда.

— У нее был приступ астмы, очень серьезный. Они вызвали «скорую». А та ехала целых сорок минут, — тихо проговорила мать.

Никто вокруг них словно и не заметил тяжести произнесенных ею слов. Мужчина, выгуливающий старую собаку. Женщина, которая игралась со своим телефоном и даже не подняла взгляд, проходя мимо. Мать Андре не смотрела на него, пока они спешили домой, и в тот момент это обидело, но потом он понял почему: если б она посмотрела на него, то наверняка сразу расплакалась бы. Что и произошло, как только они переступили порог дома в окружении застывших без движения родственников.

И вот теперь, наконец-то все-таки пробившись в колледж, он стал предметом гордости семьи, пережившей столь страшную трагедию. Парень, который сумел в корне изменить свою жизнь, несмотря на все удары судьбы. Киара была круглой отличницей. Она наверняка пошла бы учиться в юридический. Жизнь еще одного черного потеряна, и никто не ведет им счет¹.

Телефон Андре коротко прожужжал — уведомление. Он быстро вставил в уши горошины наушников. Только что поступил новый эпизод «Невероятной жестокости» — недавнего подкаста, посвященного реальным преступлениям, по которому он просто с ума сходил. В этом месяце была обещана десятисерийная история убийцы по прозвищу Зодиак² — Андре уже успел прослушать каждую из шести первых частей, причем не по одному разу.

Хрипловатый голос ведущего постепенно превращался в неразборчивый звуковой фон, пока город по мере продвижения автобуса к западу становился все «белее» — все меньше жилых домов, все больше кофеен и ресторанов. Несмотря ни на что, Андре уже не мог сдержать радостное возбуждение, до хруста крутя головой на плечах, словно

¹ Намек на политическое движение под лозунгом «Жизни черных важны» (BLM — Black Lives Matter), инспирированное гибелью чернокожего правонарушителя-рецидивиста Джорджа Флойда при задержании полицией в Миннеаполисе в 2020 г.

² Зодиак — псевдоним так и не установленного американского серийного убийцы, действовавшего в Северной Калифорнии с конца 1960-х до начала 1970-х годов и совершившего семь установленных нападений, после второго из которых он разослал серию издевательских писем в местные газеты, используя в качестве подписи псевдоним Зодиак и специфический символ, напоминающий кельтский крест. В своих письмах Зодиак постоянно сообщал о новых жертвах, в конечном итоге заявив о совершении 37 убийств, хотя есть мнение, что он мог преувеличивать число жертв из-за жадности внимания СМИ и стремления запутать расследование. Поскольку личность и судьба преступника остаются неизвестными, «дело Зодиака» продолжает привлекать внимание самостоятельных исследователей.

боксер, собирающийся подняться на ринг. Наконец автобус въехал в Шо и подкатил к ближайшей от университета остановке.

Андре разыскал Тайлер-холл, которому предстояло стать его домом на следующие девять месяцев, — длинное здание, занимающее половину квартала, кирпичное, с аккуратными рядами окон. В некоторых красовались флаги различных стран, а также достаточно многочисленные плакаты: «Президента — в отставку!», «Дорогу беженцам!» и «BLM».

Он зашел в вестибюль, где за раскладным столом сидели три энергичного вида белые девицы, регистрирующие вновь прибывших. Назвался.

— Так, Дженсен, Дженсен... Вот оно, — пробормотала одна из них, перебирая стопку картонных конвертов. Вычеркнув его имя из списка, она вручила ему конверт. — Здесь все необходимые ознакомительные материалы — карты, перечень полезных мест и так далее. Карточка — ваш студенческий билет; он используется практически для всего, чего угодно. В том числе как электронный пропуск в общежитие. Обычно у входа есть дежурный из студентов, который попросит вас провести его по считывающему устройству. Ваши ключи от комнаты тоже здесь, и просто для вашего сведения: если вы случайно захлопнете дверь, то после третьей такой промашки за открытие двери взимается штраф — десять долларов. Похоже, что ваш сосед по комнате еще не зарегистрировался. Если возникнут какие-то вопросы, разыщите на этаже завхоза. Его зовут Девон, он тоже из студентов.

Засунув конверт под мышку, Андре поднялся в комнату 203 — прямоугольную, с двумя двуспальными кроватями у противоположных стен. Слева обнаружился небольшой чистенький туалет с душевой кабинкой, выложенной белой плиткой.

Вынув из контейнера почти все содержимое, с самого его дна Андре достал свою главную драгоценность, ста-

рательно обернутую в два свитера в дополнение к ее собственному мягкому чехлу, — фотоаппарат, подаренный родителями на день рождения. По словам отца, который основательно изучил эту тему в интернете, внимательно всматриваясь в экран монитора сквозь бифокальные очки, камера представляла собой серьезный шаг вперед по сравнению с тем фотиком, который Андре как-то сам купил подержанным на «И-бэй»¹. Приличная цифровая зеркалка для серьезных начинающих фотографов. Перед окончанием школы Андре успел побывать на двух занятиях в фотостудии районного общественного центра, решив, что, кем ему ни доведется стать — журналистом, блогером, подкастером, — умение профессионально обращаться с камерой всегда ему в жизни пригодится.

До регистрации в программе на психфаке оставалось несколько часов свободного времени. Сделав несколько телефонных звонков в университетскую бухгалтерию, он окончательно убедился, что действительно принят на учебу, а деньги за обучение и все необходимые сборы полностью выплачены. Нет, это была не шутка.

Андре услышал, как в замке поворачивается ключ, после чего в комнату вошел какой-то парень и посмотрел на него. Невысокий, с бритой головой, в синем джемпере и с красным галстуком-бабочкой, несмотря на жару угасающего лета.

— Как думаешь, они специально селят черных вместе? — спросил он.

Андре рассмеялся — сам про то же самое подумал.

Парень сказал, что его зовут Шон, и, разбирая вещи, они немного потрепались. Выяснилось, что новый сосед из округа Принс-Джордж, что в Мэриленде (название штата он произнес скорее как «Мурриленд»). Среди выпускников своей школы второй по успеваемости.

¹ «И-бэй» (англ. Ebay) — популярный интернет-аукцион, нередко используемый в качестве виртуальной барахолки.

Шон настоял, чтобы Андре держался как можно дальше, пока он вешает на стену огромную киноафишу — Андре не без удовольствия отметил, что это афиша фильма «Чужой».

— Величайший ужастик всех времен и народов! — воскликнул Шон.

— Гм, думаешь?

После этого они немного поспорили о достоинствах различных фильмов ужасов, особо не пытаясь навязать друг другу свое мнение, и Андре ощутил укол удовольствия от того, что у них уже нашлись общие интересы.

В университетский книжный магазин за учебниками отправились вместе, всю дорогу не закрывая рта. «А мне он типа как нравится», — осознал Андре. И сразу же пришлось принимать первое решение, связанное со всей схемой его поступления в колледж: признаваться ли Шону, что его соседу по комнате, с которым ему предстоит прожить бок о бок чуть ли не целый год, поставлен диагноз «психопатия»?

Первая открытая ложь далась довольно легко: Андре объявил, что ему надо заглянуть в бухгалтерию, чтобы утрясти вопросы с оплатой учебы, в то время как на самом деле наступало время идти регистрироваться в программе на психфаке. Шон эту ложь с готовностью проглотил, и Андре сверился с картой кампуса. Выглядело здание факультета жутковато — как будто он и без того уже недостаточно нервничал. Почему-то готического вида, несмотря на окружение современного кампуса. Интересно, подумал Андре, поднимаясь по лестнице по ступеньке за раз, не накроется ли вся его игра медным тазом в ту же секунду, едва только доктор Леонард Уимен положит на него глаз. Доктор наук как-никак...

Андре постучался в открытую дверь с номером 615, и пожилой белый мужчина, наверное, лет семидесяти с небольшим, виновато развел руками. Он как раз впился зубами в огромный, соблазнительного вида сэндвич

с пастрáми¹. Доктор смущенно показал на свой набитый рот и махнул Андре — давай, мол, заходи. Через небольшую приемную тот прошел вслед за ним в кабинет. Сел и стал смотреть, как Уимен, все еще дожевывая сэндвич, собирает стопку бумаг.

— Простите, я в курсе, что вам назначено, но весь день и крошки во рту не было! — воскликнул наконец хозяин кабинета.

Пожимая ему руку, Андре почему-то испытал какое-то странное чувство.

— Андре... Дженсен... Дженсен, — бормотал Уимен, отыскивая что-то в компьютере. — Ага, нашел.

И только тут Андре осознал, что именно его беспокоило, хотя это не имело ни малейшего смысла. Раньше он никогда не встречался с Уименом, они даже по телефону не общались, — Андре был в этом на сто процентов уверен. Но если это действительно так, то почему же этот человек, которого он и в глаза не видел, выглядит так знакомо?

5

Обратный отсчет: 54 дня

Билли — это один из тех парней-гребцов с детскими личиками на моем этаже в «Брюсере». Удача или судьба, называйте как хотите, пока что на моей стороне. Когда в тот первый вечер мы всем этажом отправились на танцы, я случайно услышала от него, что его старший брат состоит в САЭ. Так что я немного пофлиртовала с Билли,

¹ Пастрáми — особым способом копченое мясо, рецепт приготовления которого был изобретен в конце позапрошлого века в Нью-Йорке. Считается, что название образовано от слов «пастромá» (тоже разновидность мариновано-копченого мяса, существующая уже много веков) и «салями».

зная, что это может означать дальнейшие приглашения на вечеринки или прочие полуночные движухи, устраиваемые друзьями Уилла Бэчмена. Билли с ходу сообщил мне, где находится штаб-квартира САЭ, и пообещал, что возьмет меня с собой, когда там состоится коллективная пьянка, посвященная началу нового учебного года.

Ждать нужно до ближайших выходных, и я в нетерпении. Когда прохожу оживленными улочками кампуса в промежутках между лекциями, какая-то часть меня продолжает искать Уилла. Понятия не имею, как поступлю, если вдруг и впрямь его увижу, и почти боюсь сорваться с поводка, совершенно не думая головой. Не знаю, узнает ли он меня — мы уже несколько лет не виделись. Всякий раз, сидя на очередной лекции — по биологии, натурфилософии, — шарю взглядом по остальным студентам, выискивая его светлые патлы. Естественно, Уилла нигде нет. Он все-таки уже на третьем курсе, и на вводных лекциях для первокурсников ему делать нечего.

Как только убеждаюсь, что в аудитории его нет, расслабляюсь и продолжаю осваиваться, исследуя территорию. Я из так называемых аудиалов: хорошо воспринимаю информацию на слух, особо много конспектировать мне не надо, так что во время этих первых лекций в основном принимаюсь к своим одноклассникам. Только к концу первого дня понимаю, что если я вижу на ком-то глянце-вые черные смарт-часы, то вовсе не обязательно делать стойку. Носит их целая куча народу, не только студенты из моей программы. Но все эти люди — мои конкуренты за место в медицинском, мои будущие друзья и враги. Они могут стать для меня как сообщниками, так и препятствием. Могут стать даже любовниками — в последнее время меня основательно тянет на секс. Поглядываю на широкоплечего парня в первом ряду, но когда он оборачивается, вижу его лошадиную физиономию. Какой облом!

В общагу после занятий специально возвращаюсь окольным путем, чтобы пройти мимо дома, в котором

базируется САЭ. Тот стоит на перекрестке двух обсаженных деревьями улиц, на угловом участке — трехэтажный дом в викторианском стиле из темно-оранжевого кирпича, крытый потемневшей от времени деревянной дранкой. Здесь имеется дворик, усыпанный пивными банками и сдутыми мячами, с парой изрядно помятых закопченных грилей. Иногда вижу там «братьев», сидящих на садовых стульчиках, потягивающих пиво и наблюдающих за проходящими студентами — в основном за девочками.

Каждый раз просто прохожу мимо, прижимая к себе свой лэптоп и незаметно изучая дом. Его двери (их две, передняя и задняя), насколько близко тут соседи (просто доплунуть можно) и есть ли незаметные пути отхода отсюда (да, это переулок на задах, где постоянно темно и нет камер наблюдения). Уилл пока что ни разу не попался мне на глаза — надо обязательно выяснить, как часто он тут бывает.

Но вот на третий день занятий в очередной раз прохожу этим маршрутом и вижу трех парней, сидящих во дворе. Один встречается со мной взглядом, и я отвечаю ему быстрой робкой улыбкой, означающей, что на меня легко произвести впечатление.

— Эй! — кричит он, привставая. — Как тебя звать?

Даже сам тон у него покровительственно-насмешливый.

— Хлоя, — отзываюсь я, замедляя шаг и подступая ближе. Быстро перевожу взгляд правее, и сердце у меня замирает, поскольку я моментально опознаю одного из парней, обнаружившихся в ходе моих интернет-исследований, — Корди, соседа Уилла по съемной квартире. Нужно им понравиться, что, похоже, будет нетрудно. Веди себя приветливо, не спорь, не возражай, в основном слушай — ты можешь молчать как рыба, и парни все равно сочтут тебя замечательной собеседницей.

— Хошь пивка? — спрашивает тот, первый.

— Конечно, — с готовностью соглашаюсь я. Перешагиваю через низенькую чугунную оградку, окаймляющую участок, ощущая на себе их взгляды. Они представляются и подсовывают мне садовый стульчик — чувствую сырость на заду, когда усаживаюсь на него. Тот, кто предложил мне пиво, — Крис, второкурсник. Корди — это Корди, а третий парень — Дерек, этот учится на третьем. Они продолжают задавать свои вопросы-подколки, и я отчаянно флиртую им в тон, хохоча так, будто уморительней ребят в жизни не встречала.

Вскользь упоминаю про лакросс, но никто не заглатывает наживку. Некоторое время просто потягиваем пиво, отпуская цветастые замечания про проходящих мимо людей, и я пытаюсь успокоиться и не спешить, повторяя себе, что сбор информации требует терпения и что все ими сказанное когда-нибудь обязательно мне пригодится. Все, что мне сейчас требуется, — это получить приглашение в этот дом, чтобы произвести более серьезную разведку, но если я буду навязываться буквально через десять минут после знакомства, это явно будет выглядеть несколько подозрительно. Пожалуй, пока не стоит — по крайней мере, если я не хочу, чтобы кто-то из них решил, будто меня можно с ходу лапать.

Молча откладываю в голове несколько имен других «братьев», которые они упоминают. Насколько все-таки тесны узы в этом студенческом братстве? Если Уилл вдруг исчезнет, организуют ли они поиски, или же так и будут подпаивать первокурсниц дешевым пивом? Разговор заходит о протестах.

— М-да, есть что вспомнить, — произносит Корди. — В прошлый раз я даже вел у себя на канале прямую трансляцию оттуда, в реальном времени. Аккурат до того момента, как началась буза.

Делаю себе мысленную пометку — Уилл вполне может быть вписан и в такого рода занятия своего соседа по квартире.

— По-моему, на этих выходных тоже что-то такое намечается. Хотя до первого октября по-любому свалю на хрен из города. Терпеть не могу такие толпы. Анархия, блин, мать порядка... — вступает в разговор Дерек. — Ну а ты, санитарочка?

Они уже начинают называть меня «санитарочкой», поскольку я успела признаться, что посещаю вводные лекции медицинских курсов. Как будто есть что-то смешное в том, когда девчонка уже в свою первую неделю в университете знает свою специализацию. Уверена, что это не имеет ровно никакого отношения к тому статистическому факту, что женщины гораздо реже бросают учебу, чем мужчины.

— Пока не решила, — отвечаю я.

Крис бросает взгляд на свой телефон.

— Великий и ужасный Чарльз опять собирается замутить движуху за городом. С бесплатным баром.

Разговор прерывается, когда из окна на третьем этаже вырывается визгливый электронный вой — кто-то поставил микрофон слишком близко к динамикам, вызвав «наводку».

— Сапожник! — орут двое моих собеседников в унисон.

Дверь заднего хода с москитной сеткой открывается, и из-за нее появляется какой-то парень. Сердце у меня пропускает удар. Это не Уилл, но этот новый персонаж полностью отвлекает меня от стоящей передо мной задачи. Он чуть постарше остальных и не сводит взгляд со своего «Айфона». Ростом он, наверное, футов шести, а телосложение как раз такое, как я люблю, — узкие бедра, рельефная, но не перекачанная мускулатура. В отличие от других парней, прилично одет — в дизайнерские джинсы и тонкий темно-зеленый свитер. А когда он поднимает взгляд, я окончательно сражена. Лицо — практически образец классической красоты: четко очерченные скулы, тонкий прямой нос, а глаза такие зеленые, что притягивают взгляд даже через двор. Чувственный рот. Волосы

светло-каштановые, с того рода стильной челкой, что в последнее время у парней — самый писк.

— Помяни черта... — замечает Корди.

Парень отрывается от своего телефона, сбрасывает его в карман и подходит ближе, чтобы достать пиво из сумки-холодильника.

— Чарльз, это наша новая подруга Хлоя. Первокурсница, — представляет меня Корди. — А это Чарльз, великий и ужасный.

Отлично — похоже, Корди уже у меня в кармане. Пристально смотрю на великого и ужасного Чарльза, старательно пытаюсь выразить этим своим взглядом все то восхищение, которое и в самом деле испытываю.

Он едва достаивает меня короткого кивка.

— Добро пожаловать в Адамс. Советовал бы держаться подальше от раздолбаев вроде этой троицы.

Остальные раздражаются протестующим гомоном. Великий и ужасный Чарльз ухмыляется — больше им, чем мне, — демонстрируя идеальные белые зубы, и с хлопком открывает банку с пивом.

— У меня сейчас со всей этой предвыборной мутотой дел по горло — потом пообщаемся, парни.

Я разочарована, но с его уходом вновь обретаю способность нормально мыслить.

— Погодите-ка — Чарльз? В смысле, Чарльз Портмонт? Крис кивает.

Тот самый Чарльз Портмонт из «Инсты» Уилла! С каждым новым членом его окружения я подбираюсь все ближе, словно коршун, сужающий круги.

На моих смарт-часах вдруг появляется восклицательный знак. Решаю, что в САЭ засветилась уже достаточно, и, не желая больше зря тратить время, раз уж Уилл здесь вряд ли в скором время объявится, начинаю прощаться. Расстаемся на высокой ноте. Так, чтобы они ожидали большего.

Ну что ж, посмотрим, что это за мониторинг настроения такой. Отхожу подальше, не желая, чтобы геолокация зафиксировала меня возле штаб-квартиры САЭ. Улица обсажена деревьями со все еще густой осенней листвой. Освещение — почти то, что у фотографов называется «режим», тот час перед закатом, что идеален для селфи. Останавливаюсь возле одной из деревянных скамеек, изрезанной именами выпускников, быстро щелкаю фотку и переключаю внимание на часы.

Касаюсь пальцем экрана. На самом верху высвечивается время, но цифры тут же тускнеют, и появляется надпись: «Пожалуйста, оцените силу своих эмоций по семибальной шкале, где “7” — максимальный показатель, а “1” — отсутствие той или иной эмоции вообще».

Еще раз прикасаюсь к экрану, открывая программу.

«Счастье».

Ставлю двочку.

«Беспокойство».

Единица.

«Возбуждение».

Пятерка.

«Гнев».

Шестерка.

6

Обратный отсчет: 53 дня

Заглядываем с Джессикой в университетский книжный в компании ватаги девчонок из нашей общаги, после чего тащимся домой, нагруженные тяжеленными сумками с явно переоцененными учебниками.

— Не пойму, почему мне нужно обязательно брать десятое издание, когда оно на пятьдесят баксов дороже девятого? — возмущается моя соседка, сбрасывая сумки

на пол нашей комнаты в общаге. Все остальные двери по коридору открыты, и все шумно выражают свое согласие.

— Это натуральный грабеж! — вопит кто-то.

— Клеящий гель никто не купил? Постеры надо повесить! — кричит кто-то еще.

Разложив книги на своем письменном столе, делаю передышку. Некая часть меня желает побыть здесь хоть сколько-то еще и заняться тем, чем и положено заниматься в первую неделю в колледже, но, несмотря на опасения пропустить что-нибудь интересное, есть во мне и некая другая часть. Единственное, что утешает, — это что когда я покончу с Уиллом, то тут же с головой окунусь во все прелести студенческого житья-бытья: буду мутить романтические интриги, чисто для удовольствия стравливая между собой девиц, крутить романы с преподавателями...

Подхватываю сумку с лэптопом, объявив, что мне пора на работу на психфак. Подработка — отличная отмазка для Джессики: ну не говорить же ей, что отныне мне нужно постоянно таскаться туда для участия в беседах и экспериментах, связанных с моим диагнозом «психопатия». Любой человек с менее продвинутым пониманием особенностей моей психики наверняка категорически откажется делить блок в общаге с «ненормальной», а уж тем более с той, которая по этой причине учится здесь на халяву, вместо того чтобы залезть в кабалу стаффордского займа¹, как все добрые люди.

Дохожу до Мэрион-стрит и с радостью обнаруживаю, что в кондитерской всего лишь двое посетителей в дополнение к двум совсем юным девчонкам, работающим за кассой. Единственное, что я понимаю из их разговора, — это бесконечно повторяющиеся «Да ты чё!», прежде чем обе раздражаются длинными фразами по-арабски или по-эфиопски. Выбираю маленький столик у самого окна,

¹ Стаффордский заем (англ. Stafford loan) — кредит на оплату обучения в США, обычно с 10-летним сроком погашения.

откуда открывается отличный вид на дом Уилла Бэчмена. Открываю свой лэптоп и учебник по биологии, выкладываю перед собой набор разноцветных маркеров. Прочитываю половину главы, всякий раз быстро поднимая взгляд и ставя птичку, когда кто-то проходит мимо дома. Нужно получить представление, насколько плотное здесь пешеходное движение.

Лениво тычу в тачпэд лэптопа, пробуждая его к жизни, и проглядываю последние посты Уилла в «Инстраграме». Появилась новая фотка — он с кем-то из «братьев» грузит пивной кег в задний отсек хэтчбека. #деньпервокурсника

Задумчиво кружу курсором по открытой заглавной странице «Гугла». Набираю: «Чарльз Портмонт». Сразу же открывается какой-то веб-сайт. Судя по всему, великий и ужасный Чарльз выдвигается в президенты студенческого совета. А вот и его фотка, хотя и не очень удачная, поскольку снят он практически со спины — в основном только очертания этой самой спины и видны на фоне толпы, к которой он обращается с речью. Насколько можно судить по дополнительным ссылкам, университетская газета «Ежедневная сова» (которая на самом деле выходит раз в неделю) его в этом начинании всецело поддерживает, равно как и еще пара каких-то студенческих организаций. Блин, да в Вашингтоне народ и впрямь реально свихнулся на политике! Ну кого волнует, кто президент у каких-то там студиозусов?

Внизу форма обратной связи, где можно анонимно о чем-нибудь спросить. «Есть вопрос к нашему кандидату?» Ну да: «Ты такой же бездушный урод, как и прочие твои сотоварищи по САЭ?»

Опять поднимаю взгляд на дом Уилла и ощущаю почти неодолимое побуждение немедленно что-нибудь предпринять. Почему бы прямо сейчас не пойти туда, просто чтобы разведать обстановку? Какая-то маленькая часть моего мозга сознает, что это идея не из лучших — белый день на дворе, а вокруг полно народу. Но иногда некая

змеиная, рептильная часть моего мозга — нетерпеливая, импульсивная — все-таки берет верх. Эта змеюга хочет взломать окно, пробраться в его спальню, открыть холодильник и плюнуть ему в молоко. Заталкиваю все свое барахло в рюкзачок и выдвигаюсь из кондитерской, перехожу на другую сторону улицы.

Когда хочешь остаться незамеченной в ходе какой-нибудь такой поганки, весь фокус в том, чтобы на лице у тебя было написано, будто ты просто идешь домой заниматься стиркой. Внимательно осматриваю переднюю дверь Уилла, на которой два замка. Я уже купила через интернет неплохой набор отмычек, но вскоре поняла, что в видеоинструкциях на «Ютьюбе» все выглядит гораздо проще, чем на самом деле. Я уже потренировалась дома и на одном-двух соседних зданиях, но едва ли я настоящий профи в этом деле.

Чтобы подобраться к дому с обратной стороны, придется пройти с полквартиры, а потом свернуть в переулок, огибающий ряд ленточной застройки сзади. Подходя к дому Уилла, роюсь в рюкзаке, якобы ищу что-то — типа ключи. Я множество раз так делала, когда тырила всякую мелочовку по магазинам: делала вид, будто чем-то занята — так, чтобы со стороны было непонятно, что на самом деле задача у меня совсем другая, а именно спереть что-нибудь. Чем ближе дом под номером 1530 по Мэрион-стрит, тем сильнее меня охватывает нервное напряжение — тугое, как пружина. Возле соседнего дома возятся двое рабочих: пилят кирпичи какой-то шумной машиной. Шум — это хоть какое-то прикрытие, но все-таки двое свидетелей... У дома Уилла основательно прогнившее на вид крыльцо, поднимающееся к сдвижной стеклянной двери. Чуть в стороне с полдюжины замшелых кирпичных ступенек спускаются ко входу в полуподвальный цокольный этаж, его окна темны и непроницаемы. Замедляю шаг, делая вид, будто отвлеклась на что-то в своем телефоне, и надеюсь, что рабочие-строители не обращают на меня внимания.

Когда поднимаю взгляд на дом с его грязно-желтой обшивкой, та маленькая часть меня говорит, что надо уходить, что я обязательно попадусь. Змеиная же часть в ответ замечает, что, пусть даже окна первого этажа забраны решетками, сдвижную стеклянную дверь наверх можно открыть отмычкой, ну а если не выйдет, то тут есть водосточная труба, спускающаяся с крыши, — на вид достаточно крепкая, чтобы залезть по ней наверх.

«Он может быть дома», — мелькает в голове. Нет, сейчас не время для любых открытых столкновений.

А может, все-таки самое время?

Или, может, его вообще там нет?

Но тогда жаль, что у меня нет с собой медвежьего капкана — с удовольствием подложила бы ему такой сюрприз в постель.

Да, стеклянная дверь — серьезное препятствие. Но вот тебе труба, ведущая на крышу, а там окно, на вид довольно хлипкое. Крыша не так уж и высоко. Лазать я мастер, высоты не боюсь, и, учитывая мой обычный образ жизни, способность по-тихому куда-то проникнуть, найти способ куда-то попасть — это искусство, которым я уже давно овладела. Я всегда была из тех девчонок, что лазают по деревьям и сигают в бассейн прямо с крыши, а заработав синяк или ссадину, не ноют, а опять упорно лезут наверх.

Уже чувствую, как напрягаются мышцы, готовые рвануть тело вперед, но тут меня отвлекает какой-то шум. Один из работяг, глядя на меня, восхищенно присвистывает. Бросаю на него полный отвращения взгляд и быстро удаляюсь, больше злясь на собственную беспечность, чем на него. Иногда меня и вправду заносит, как в этот раз. Я в курсе, что месть — это блюдо, которое полагается подавать холодным, но никто никогда не говорил мне, каково это — ждать последние несколько секунд, когда это блюдо уже подвезли на тележке к столу. Я хочу, чтобы Уилл надежно угодил мне в лапы, беспомощно корчась

и извиваясь, как слизняк. Я хочу, чтобы все было идеально. Придется ждать.

А потом, устраиваемая САЭ вечеринка для первокурсников уже завтра вечером, и он определенно будет там, уже ошипанный и готовый отправиться в духовку.

* * *

Направляюсь на психфак для участия в первом эксперименте — после этого на сегодня у меня всё. Когда распахиваю тяжеленные деревянные двери здания-замка, внутри тихо, а в лучах света, льющихся из больших окон за изгибающейся широким винтом лестницей, плавают пылинки. Чем-то это здание напоминает мне заброшенную церковь, населенную призраками. Поднимаюсь на знакомый шестой этаж, но направляюсь в противоположную сторону от кабинета доктора Уимена.

Пока иду по коридору, вокруг становится все темнее, одна из люминесцентных трубок с зудением мигает над головой. Нахожу комнату 654-а с кодовым замком на двери. Ввожу код, который сообщают мне мои смарт-часы, и открываю дверь. Свет зажигается автоматически, открывая скорее кабинку, чем комнату. Она стерильно пуста; на стенах никаких украшений, кроме белой доски, и единственный предмет мебелировки здесь — маленький письменный стол с единственным компьютером. Часы, должно быть, ощутили, что я уже в комнате, поскольку на их экранчике появляется надпись: «Пожалуйста, садитесь за стол и следуйте инструкциям на экране компьютера».

Усаживаюсь, пробуждаю комп к жизни, пошевелив мышкой. Перед началом собственно опыта приходится несколько раз подтвердить свое согласие на участие, на обработку личных данных и прочее.

«Тема данного эксперимента — принятие решений и деньги. Деньги, используемые в данном эксперименте — настоящие. Это означает, что если в конце опыта

ваша деятельность принесла вам 15 долларов, то вы получите эти 15 долларов наличными».

Неплохо! Щелкаю мышью, открывая следующую страницу.

Всю верхнюю половину экрана занимает изображение пятидолларовой купюры.

«Вы играете с другим реальным человеком. У каждого из вас есть два варианта ответа: поделиться этими деньгами или оставить их целиком себе. Если оба выберут “оставить себе все”, никто не получает ничего. Если один игрок выбирает “оставить себе все”, а другой “поделить”, первый получает все деньги, а второй не получает ничего».

В самом низу две кнопки: «Поделить» и «Оставить все». Это что, шутка такая?

С правой стороны экрана открывается окошко чата. Меня обозначает иконка с надписью «Игрок А», а «Игрок Б» — прямо под ней. Оба молчим.

«Начать игру».

Щелкаю на «Оставить все».

«Ваш баланс: 0 долларов», — сообщает мне компьютер. Вторая попытка. «Оставить все».

«Ваш баланс: 0 долларов». Эгоистичная сволочь!

То же самое происходит на третьей попытке. «Игрок Б» начинает набирать какое-то сообщение — в окошке чата начинают волнами плавать жирные черные точки, указывающие, что он задействовал клавиатуру.

Если мы оба хотим уйти отсюда хоть с чем-то на кармане, надо обоим поделиться.

А они и вправду отдадут деньги? — печатаю в ответ.

Да. Люблю деньги.

Выходит, тому, с кем я играю, уже приходилось заниматься этим раньше. Это кто-то из остальных шести или

просто какой-то случайный доброволец из обычных студентов, привлеченный к эксперименту?

Четвертый раунд. Щелкаю на «Оставить все».

«Ваш баланс: 0 долларов».

Ты же сказал, что поделиться! — выскакивает сообщение в чате.

Ты тоже.

Лжец!

Пятый раунд ничуть не лучше.

Просчитай экономическую целесообразность, — пишет мне мой противник. — Мы только зря тратим время, не получая ничего. А если скооперируемся, то оба срубим бабла.

«А если нет, то я получу все», — думаю я.

Ну и гад же этот «Игрок Б» — так я ничего с этого эксперимента и не получаю.

7

Обратный отсчет: 52 дня

— Ну пожа-а-алуйста! — упрасиваю я Джессику. Сложив руки на груди и отставив бедро, та с явным скепсисом выслушивает мое предложение сходить на вечеринку, которую устраивает братство.

— Это же неотъемлемая часть студенческой жизни — тебе нужно обязательно хотя бы раз сходить на такую тусовку, прежде чем писать статью для какого-нибудь альтернативного журнала, какая отрава на самом деле эта

«греческая жизнь», — пытаюсь убедить ее я. Поджав губы, она кивает, и тут мы обе разражаемся хохотом. Кое-кто с нашего этажа тоже идет — с Билли-из-ларца и его соседом по имени то ли Джед, то ли Тед во главе.

Критическим взором оглядываю разложенные на кровати шмотки. Мне не хочется привлекать слишком много внимания, но, опять-таки, там могут встретиться симпатичные ребята. На дворе август, так что останавливаюсь на джинсовых шортиках — коротеньких, но все же и не на таких, которые могут вызывать косые и нескромные взгляды, и на серебристом топе с довольно глубоким вырезом. Надеваю свою серебряную цепочку с подвеской в виде омара, слегка взъерошиваю волосы. Джессика же из тех девчонок, которые натягивают простенькое черное платье из джерси и уже готовы и на учебу, и на прогулку, и на веселую тусовку. (Ресницы у нее, как выяснилось, все-таки настоящие.)

Всей компашкой вываливаем из общаги и движемся вдоль по улице. Когда сворачиваем в сторону штаб-квартиры САЭ, чувствую, как волоски у меня на затылке встают дыбом. Мне уже видно мельтешение толп у входа — кто входит, кто выходит, тусовщики заняли весь газон. Из колонки, выставленной на подоконник третьего этажа, оглушительно долбит музыка, во дворе полыхает костер. Даже не знаю, разрешено ли тут вообще разжигать костры. Впрочем, употребление спиртного до разрешенного законом возраста¹ тоже не приветствуется, но университетская полиция смотрит на такие дела сквозь пальцы, пока дело не дойдет до полной невменяйки. Точка зрения у них простая: лучше уж мелкие проблемы в кампусе, чем какие-то более серьезные за его пределами.

Искоса поглядывая на меня, Джессика укоризненно изгибает бровь, когда мы проталкиваемся в дверь. Двое пар-

¹ В США разрешено приобретать спиртное только по достижении 21 года.

ней играют в бир-понг¹ в «столовой», и все тут, похоже, орут гораздо громче, чем требуется. В гостиной народ ухитряется танцевать в тесном пространстве между кожаным диваном и кофейным столиком, уставленным пивными банками и одноразовыми стаканчиками, среди которых кое-где торчат курящиеся бонги². На краю столика сидит какой-то малый с сальными патлами, выдувая клубы пара из одного из бонгов и параллельно разглагольствуя о протестах, распространившихся по всей стране и частенько сходящихся в Вашингтоне. «Эта страна проваливается в тартарар-ры!»

Били-из-ларца ведет нас в кухню, где какому-то бедолаге выпала горькая доля всю ночь обслуживать кег с пивом. Тот приветствует нас и вручает мне пузырящийся пеной одноразовый стакан.

— Пойдем посмотримся! — кричу я Джессике прямо в ухо.

— Кого-то конкретно ищешь? — лукаво спрашивает она.

Не знаю уж, кто кого тут должен подкалывать, поскольку едва мы успеваем выйти из кухни, как на нее наталкивается какой-то парень в футболке «Доджерс»³, и они тут же начинают болтать про бейсбол. Оставляю их друг

¹ Бир-понг (*англ.* beer pong) — игра, в которой участники по очереди пытаются попасть шариком для пинг-понга внутрь одного из стаканов с пивом, расставленных на столе (чаще всего для этого не требуются ни специальный теннисный стол, ни даже ракетки). Забавно, что пиво выпивает тот, в чей стаканчик попали, а не бросающий, так что конечная цель игры — напоить противника.

² Бонг — устройство для курения табака, всяких трав, и в первую очередь конопли, — небольшой сосуд, частично заполненный водой, с конусообразным отсеком для тления продукта и высоким узким горлышком для вдыхания охлажденного водой дыма.

³ «Лос-Анджелес доджерс» (*англ.* Los Angeles Dodgers) — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге.

на друга и продолжаю внимательно изучать толпу. Вижу какого-то настолько бухого парня, что он едва стоит на ногах, бессмысленно выпучив глаза. Вижу двух каких-то девчонок, вцепившихся друг другу в волосы. Несколько парочек упоенно сосутся, не обращая ни на кого внимания. Тающие на глазах надежды возрождаются вновь, когда я наконец замечаю Корди, сидящего на кожаном диване в окружении кучки каких-то других ребят и делающего мощный затыг из водяного бонга. Увидев меня, он неистово машет мне.

— Добралась все-таки!

Отпускаю какое-то уклончивое замечание в ответ и смотрю, как он опять присасывается к бонгу. Корди уже почти готов — пьян и обкурен одновременно. Он, должно быть, только что разговаривал с втиснувшейся рядом девчонкой, но та вдруг поднялась и ушла, оставив его в неловком одиночестве. Он подвигается, похлопывая по дивану рядом с собой. Подсаживаюсь к нему, улыбаюсь.

— А твой сосед тоже здесь? — спрашиваю у него.

— Уилл-то? Где-то тут. — Он неопределенно взмахивает рукой, безвольно мотая головой. Но тут, видно, с удивлением сознает, насколько я близко от него — вообще-то странно, если учесть, что из-за тесноты я прижимаюсь к нему чуть ли не всем телом. — А ты симпатиченькая! Тебе это уже кто-нибудь говорил?

— Он ужасный человек?

— Уилл-то? Да, может быть редкостным гондоном.

— Тебе никогда не хотелось навешать ему люлей?

— А то! — отзывается он, опять подхватывая бонг.

Решаю, что мне нравится Корди.

Вдруг слышу смех и оборачиваюсь через плечо. Рядом стоит группа «братьев» из САЭ — думаю, что постарше остальных, поскольку Дерек и Чарльз тоже в их числе. На Чарльзе великолепно сидящая рубашка на пуговицах, которую я одобряю, на груди значок: «Портмонта — в президенты». На нем буквально висит какая-то девица — именно

висит у него на руке, смеясь ему в лицо. О боже. Какой кошмар. Еще одна подобная красотка сразу слева от нее смотрит на него коровьим взглядом. Ему даже нет нужды заигрывать в ответ. Уже собираюсь встать с дивана и что-нибудь на этот счет предпринять, как вдруг из толпы и угарного тумана выныривает какая-то блондинка, и Чарльз, распахивая объятия, подтаскивает ее себе под бок и крепко прижимает. Те девицы тут же упархивают, словно испуганные воробышки, а он целует блондинку в макушку. Совсем не тусовочным поцелуем. Этот поцелуй не говорит: «Я собираюсь тебя напоить и попробовать заняться с тобой сексом наверху, на сыром покрывале с эмблемой НФЛ».

— Кто это? — спрашиваю я, пихая Корди локтем.

— Кристен-то? Подруга Чарльза. Они вместе уже целую вечность.

— Какая может быть вечность в колледже?

Он икает.

— Тем не менее. Знаешь ведь, кто у него папаша? Типа как нефтегазовый король. Спец по фрекингу, рвет водой подземные пласты и все такое. А мать — из медиамангатов. Не пойму, чё он тут ваще забыл, — произносит Корди, мотая головой.

И в самом деле — чё он тут забыл?

— Эй, братан! — слышится какой-то новый голос, обладатель которого тянется через меня, чтобы стукнуться кулаками с Корди. — Что это с тобой за красотка?

Поднимаю взгляд и вдруг даже перестаю слышать музыку, расшатавающую весь дом, смех и вопли вокруг, щелканье пинг-понговых шариков о стаканы с пивом. Время словно застывает. Над диваном буквально нависает Уилл Бэчмен, ухмыляясь на нас с высоты своего роста. Чувствую, как меня охватывает ледяное спокойствие.

Улыбаюсь ему, напоминая себе, что улыбка должна быть настоящей, когда достигнет моих глаз.

— Хлоя, — вежливо представляюсь я. Выжидаю, не узнает ли он меня — хотя уже несколько лет прошло.

Все, что мне предстоит сделать на протяжении последующих пятидесяти двух дней, зависит от того, узнаёт ли он меня — придется менять все расчеты, если такое все-таки вдруг произойдет. Но ставлю на то, что вряд ли. Я выросла. Изменила имя. Хотя ничего не забыла.

Его физиономия пылает от алкоголя. Теперь, когда передо мной не фотки, более заметно, как его черты изменились с возрастом, но форма его нижней губы та же самая, и у него все те же желтоватые брови. Уилл Бэчмен. Подумываю выхватить автоматический карандаш из сумочки и воткнуть ему прямо в левый глаз.

— Хлоя, — повторяет он, улыбаясь. — Не так часто услышишь это имя...

— Ну да, — соглашаюсь я. — Не особо.

А фамилию Севр услышишь и того реже — именно по этой причине я никогда не указываю свою настоящую фамилию в своих аккаунтах в соцсетях. Мой план срветется куда более гладко, если Уилл так и не просечет, кто я такая.

Он присаживается на подлокотник дивана, и мы быстро проходим через обычные формальности: кому сколько лет, кто откуда родом (естественно, я давно уже заготовила фальшивую биографию, согласно которой я из Коннектикута).

— А ты откуда? — спрашиваю, чисто для виду прикладываясь к своему стакану с пивом.

— Томз-Ривер, Нью-Джерси; только избавь меня от анекдотов про джерсийцев¹.

Нет уж, Уилл, теперь тебе уже от многого не избавиться! Только не сейчас, когда я тебя наконец нашла!

¹ В США с их мешаниной менталитетов очень распространены анекдоты про жителей различных штатов. Наиболее популярная серия — про оклахомцев, где они изображаются простаками-деревенщинами. А обитатели штата Нью-Джерси обычно предстают в таких анекдотах заносчивыми, прижимистыми и хамоватыми людьми.

8

Обратный отсчет: 48 дней

Ну все, Фаза Номер Один завершена: мы с Уиллом Бэчменом теперь в приятелях. На той вечеринке меня так и подмывало попытаться выманить его в какое-нибудь тихое местечко, но я приказала себе сосредоточиться на Фазе Номер Два: допросе с пристрастием. Однако теперь, когда он знает меня и доверяет мне, будет, похоже, не так уж сложно заставить его без свидетелей. Он подписался на меня в «Инстраграме», но я не стала подписываться на него в ответ. Не хочу, чтобы обнаружилось слишком много связей между нами, когда он отправится кормить червей.

И Уилл, и Корди активно настаивали на том, что я просто *обязана* отправиться на тусовку великого и ужасного Чарльза на предстоящих выходных. Я уже хорошенько обмозговала все возможные варианты. Сама не знаю, что думаю об осуществлении Фазы Номер Два на тусовке Чарльза. Для начала те края мне совершенно не знакомы, так что я мало на что могу повлиять. И машины у меня нет. С другой же стороны, привлекает уединенность места. Дом — вернее, усадьба — расположен примерно в сорока минутах езды от Форт-Ханта, не так далеко от исторической усадьбы «Маунт-Вернон», принадлежавшей Джорджу Вашингтону. Из того, что удалось нарыть в сведениях о недвижимости, находящихся в открытом доступе, а также в «Гугл-картах», владения Портмонтов расположены прямо на том берегу реки Потомак, что относится к штату Вирджиния — на противоположном берегу уже штат Мэриленд. Вдобавок я не совсем уверена, что стоит появляться в доме Чарльза, когда он сам открытым текстом меня туда не приглашал. Формально это даже не его вечеринка — его предки мутят там очередное сборище по сбору средств на какие-то благие цели — может, даже

для закупки маникюрных наборов для проштрафившихся руководителей высшего звена, томящихся в тюрьме для «белых воротничков», уж не знаю. Явиться туда в качестве неприглашенной и нежеланной гостьи — только привлечь к себе лишнее внимание.

Увеличиваю карту кампуса на своем компьютере. Если не в усадьбе Портмонтов, то где лучше всего провести допрос? Было бы достаточно просто напоить Уилла и прижать его в какой-нибудь пустующей комнате в штаб-квартире САЭ или, может, даже в его собственном доме, но в обоих случаях проблема в том, что это его территория и поблизости могут ошиваться его дружки. Еще один вариант: отправиться с ним в какой-нибудь клубешник, а потом пригласить на кофею к себе в общагу — только чтобы заманить его в лабиринт учебных корпусов, отыскать где-нибудь пустую аудиторию и спокойно там все обстряпать.

— Соседочка, — слышу из-за спины голос Джессики. Даже не вздрагиваю. — Чем это ты занята?

— Пытаюсь понять, где у нас следующий семинар.

— Не желаешь прогуляться в «Старбакс»?

— Хочешь сказать, что надо надеть лифчик? — интересуюсь я. На мне клетчатые пижамные штаны и короткий топик с надписью «Капитан Очевидность» на голое тело.

— Еще чего! — Она тоже в пижаме.

Натягиваю свои мохнатые тапки, а она влезает в пляжные шлепанцы. Мы живем всего в квартале от огромного Центра студенческой деятельности, в цокольном этаже которого расположен «Старбакс» вместе с миллионом всяких прочих заведений и учреждений. По пути туда можно порядком срезать порядочный угол квартала — заскочить в одно из учебных зданий, Альбертсон-холл, и пройти через его первый этаж, чтобы не переть по улице в пижамах. В Альбертсоне размещается музыкальный факультет, и вдоль длинного коридора протянулись маленькие комнатки для репетиций. Здесь довольно прохладно и пахнет

бетоном, но мне нравится ходить этим коридором, слушая игру на различных инструментах. Заглядываю в одно из окошек и вижу девушку, играющую на валторне. За другим четверо ребят поют «а капелла». А в третьей комнате — ба, да это же Чарльз, великий и ужасный! Он сидит ко мне в профиль за пианино, его пальцы летают по клавишам. Музыка какая-то мрачноватая — сложные трели, то забирающиеся вверх, то спускающиеся вниз, в достаточно быстром и плотном темпе.

— Что там? — слышу громкий шепот Джессики. Она заглядывает мне через плечо, впиваясь в него подбородком. — Рахманинов!

— Хорош, точно? — шепчу я в ответ.

Чарльз внезапно обрывает игру — мы обе вздрагиваем, — но, очевидно, он просто сделал какую-то ошибку. Наклоняется вперед и пристальней всматривается в ноты, потом отлистывает их назад. Отдергиваемся от окна, пока нас не засеки.

— Платочек дать? — спрашивает Джессика. — А то слюнки так и текут.

— Ой, да ладно!.. Он и вправду красавец. Пианисты — самые лучшие из музыкантов. Серьезные вдумчивые люди, не такие раздолбай, как гитаристы.

Она хихикает. Доходим до ЦСД и становимся в длинную очередь за кофе. Джессика берет себе американо, а я — мокко, поскольку к вечеру мне нужно составить список как минимум десяти мест, пригодных для допроса с пристрастием. А еще дочитать оставшуюся половину романа для предстоящего семинара по литературе.

Направляемся обратно в общагу, но едва открываем дверь в Альбертсон-холл, как нос к носу наталкиваемся на Чарльза и его подружку. У него под мышкой ноты, а у нее кипа плакатов его предвыборной кампании и моток малярного скотча. Господи, она такая обыкновенная, что просто больно видеть их вместе! Да, она симпатичная, но далеко не настолько уж симпатичная — как какая-нибудь

сериальная актриска третьего плана на заштатном кабельном канале.

— О, приветик! — произносит он. — Ты ведь, гм...

Сразу видать будущего политика: Чарльз делает вид, что мое имя так и крутится у него на языке, когда наверняка это не так.

— Хлоя.

Он протягивает мне руку, и из-под рукава вылезают часы «Жаже Лё Культр». Неплохо!

— Это Кристен, моя подруга, она же менеджер моей предвыборной кампании.

Та улыбается. Глаза у нее небесно-голубые, а помада на губах самого невинного оттенка. Представляю Джессика.

— Вы обе приглашены на мое мероприятие, верно? Правда, к выборам оно не имеет никакого отношения, — произносит он с улыбкой. — Формально вечеринки с предвыборными целями в нашем студенческом сообществе не допускаются. Мои родители организывают сбор средств с благотворительными целями, но мы можем веселиться собственной компанией.

— Я подумаю над этим предложением, — говорю я.

— Обязательно приходите! — пищит Кристен.

— Бесплатный бар, — жизнерадостно произносит Чарльз. — Мои предки не против, чтобы я привел любых друзей, если мы будем прилично одеты и не станем лезть к остальным гостям.

Интересно, что сам он наденет, чтобы быть прилично одетым? Тогу и сияющий золотой нимб?

— Как вам известно, — продолжает он, переходя на формальный тон и складывая ладони домиком, — вскоре предстоят выборы. Надеюсь, мы можем рассчитывать на ваши голоса.

— Какова ваша позиция касательно финансирования студенческих объединений? — холодно спрашивает Джессика.

— По-моему, любое финансирование студенческих объединений должно быть урезано, — отвечает он без запинки. Джессика хмурится. — Эти деньги поступают от постоянно растущей платы за обучение, что отрицательно сказывается на наиболее нуждающихся студентах. Плата за обучение — это моя забота номер один.

Чистая комедия смотреть, как Джессике раздирают противоречивые чувства. Смеюсь, но Чарльз тоже смеется, хотя типа как над самим собой.

Прощаемся и идем дальше в общагу, выйдя из Альбертсон-холла в теплую сырую ночь.

— Ты поедешь на эту тусовку, если мы найдем, кому сесть на хвост? — осторожно спрашиваю я. Если я сама и поеду, то не хочу там присутствия Джессики. Чем меньше там будет моих знакомых, тем лучше — никто не будет особо присматривать за мной.

Она морщит носик.

— Хло, парни на той тусовке были натуральные «братья». Жлобье и сексисты.

— А?.. Ну да. Но они не все такие — а как же тот джентльмен, с которым ты проболтала битых два часа?

— Он там был только ради соседа по комнате, как и я! И если этот великий и ужасный Чарльз — сторонник «правой альтернативы»¹, то в нашу комнату ему вход закрыт.

— Я бы на этот счет не переживала.

Понятия не имею, какие у Чарльза на самом деле политические воззрения, и какой бы он ни был классный на мой взгляд, у него уже есть подружка. По крайней мере, на данный момент. Вот разберемся с первоочередными делами, тогда и добавим решение этой проблемы в мой список задач.

¹ Правая альтернатива (англ. Alt-Right) — не очень четко очерченное ультраправое белонационалистическое движение в США, к которому относят себя даже такие одиозные группировки, как неонацисты и неофашисты. До кучи «альтернативными правыми» с некоторых пор считают и сторонников движения за права мужчин.

9

Первый запрос мониторинга настроения застал Андре в компании Шона, Маркуса и Ди. Третьекурсник Маркус быстро вышел на Андре и его соседа по комнате в первую же неделю учебного года — принес им подарки от Союза черных студентов. Он взял обоих салаг под свое крыло, со всеми их перезнакомил и пригласил на барбекю, которые регулярно устраивал на своем заднем дворе. Маркус был настолько помешан на политике, что Андре частенько смущался в его присутствии — тот постоянно сыпал какими-то неизвестными Андре именами, которые ему, наверное, полагалось бы знать, и похоже, что всем остальным они были прекрасно известны.

В тот момент они сидели во дворе у Маркуса, потягивая сладкий чай с добавленным в него дешевым ромом. Главной темой разговоров были марши протеста — не только тот большой, что намечался в октябре, но и ожидающийся на ближайших выходных.

— Вам, ребята, обязательно следует пойти, — втолковывал им Маркус, открывая коробку крекеров. Андре украдкой глянул на Ди, сидящую прямо напротив него девушку, которая вращалась в том же дружеском кругу, второкурсницу с острым язычком и глазами, напоминавшими ему оленя, — не по его голове шапка, но почему бы все равно не попробовать?

— Если все остальные тоже пойдут, то я с вами, — сказал Андре, который давно уже искал случая ненавязчиво перевести разговор на тему, которая интересовала его больше всего. Ди вскользь упомянула, что сотрудничает в «Ежедневной сове» и что там постоянно ищут фотографов — а конкретнее, им хочется увеличить долю меньшинств¹ в штате. Он не совсем представлял, как люди

¹ К «меньшинствам» в США принято формально относить не только представителей ЛГБТ-сообщества, трансгендеров и пр., но и, как ни странно, чернокожих.

обзаводятся подобными связями — просто приходят и предлагают свои услуги? Платят ли что-нибудь за работу в «Сове» и удобно ли спросить об этом напрямую? Какая-нибудь подработка ему точно не помешала бы.

И вот в этот-то ответственный момент Андре вдруг ощутил вибрацию на запястье. Извинившись, потихоньку улизнул в туалет. Часы спрашивали, чем он в данный момент занимается. «Неформальное общение», — выбрал он ответ. Часы поинтересовались, как он оценивает уровень своих эмоций по семибальной шкале, предложив целый их список: счастье, беспокойство, гнев, возбуждение... И насколько же «счастлив» он сейчас? Андре крепко задумался.

Как психопат ответил бы на подобный вопрос?

Ну что ж, пожалуй, вряд ли такие люди когда-либо бывают счастливы. Или, может, испытывают радость только в те моменты, когда получают то, что хотели. Он ответил, что не особо счастлив, и решил, что беспокойства тоже испытывать не должен, в том числе и в реальной жизни, пусть даже и поймал себя на том, что походя совершает очередное мошенничество посредством смарт-часов, а вокруг при наличии классных девчонок полно старшекурсников, на фоне которых сам он выглядит бледно. Насчет гнева ткнул в единичку — мол, такового не испытывает, а потом задумался, как ответить на вопрос относительно возбуждения. Нет, надо сделать вид, что его мало что в жизни возбуждает. Палец немного дрожал, когда Андре нажимал на «подтвердить». Часы отозвались короткой вибрацией, но ничего не взорвалось и не прозвучало никаких тревожных сигналов. Единственно, цифры на экране часов напомнили ему, насколько уже поздно.

— Ребята, мне пора двигать, — объявил Андре, выскочив обратно во двор.

— Встречаешься с какой-нибудь офигительной красоткой? — крикнул ему вслед Шон.

— Нет, мне надо было кое-что сделать до десяти вечера, а я совсем забыл.

Ну, не так уж много он и забыл, поскольку очень не хотелось оставлять компанию — прежде всего по той причине, что он не особо представлял, что его ждет на психфаке. Речь шла о его первом участии в эксперименте — обследовании, или как это там у них называется.

Андре направился в ту часть кампуса и не замедлил шаг, когда загудел его телефон. Вызывала мать.

— Что звонил, Пух? — спросила она.

— Ах да, — отозвался он, пытаясь говорить небрежно. — Я хотел узнать, не знакома ли ты с одним здешним профессором. Доктор Леонард Уимен — ничего тебе это имя не говорит? Он преподает психологию, я уже виделся с ним, и выглядит он очень знакомо. Вот и думаю, не бывал ли он когда-нибудь у нас дома, или еще чего...

Это было ничуть не притянута за уши. Его мать работала медсестрой, а отец — фельдшером на «скорой помощи», так что бывавшие у них дома нередко имели прямое отношение к медицине.

— Гм, не думаю. Давай у отца спрошу.

На заднем плане послышался приглушенный разговор, а потом мать ответила, что оба они этого имени ни разу не слышали. Но потом ей захотелось узнать про его лекции, общежитие, про друзей — Андре стало стыдно, но он быстро оборвал ее, поскольку уже входил в здание психологического факультета, вид у которого в свете уличных фонарей был слегка жутковатый. Вся эта ситуация с расспросами матери про колледж порядком выбила его из колеи. Ему всегда казалось, что всего еще один вопрос, и она догадается, что он сделал.

Несколько лет после смерти Киары Андре катился по наклонной. Он прогуливал школу, чтобы смотреть телевизор или болтаться с друзьями, которых родители категорически не одобряли. Кулачные драки привели к вандализму, который, в свою очередь, плавно перетек к ката-

нию на «одолженных» машинах. И даже вытворяя все это, он сознавал, что это нехорошо, — он был просто слишком зол. Зол на Киару, в чем не было ни малейшего смысла. Зол на родителей. Заигрывание с подростковой преступностью привело его в спецшколу, в программу по исправлению поведения, где ему поставили диагноз «кондуктивное расстройство». Этот диагноз ставят детям и подросткам, когда они отличаются устойчивым антиобщественным поведением, зачастую проявляющимся в форме нарушения общественных или юридических норм — нередко это предшественник последующего диагноза «диссоциальное расстройство личности». Когда еще в выпускном классе школы Андре получил бандероль от программы, желающей привлечь его к «Многоподходному исследованию на группе испытуемых с диагнозом «психопатия», то жутко веселился, показав эти бумаги брату. Брат, скручивая огромный косяк, поначалу решил, что у него истерика, потому что, естественно, у Крошки Пуха просто не может быть никакого кондуктивного расстройства и уж по-любому он не психопат. «Давай их напарим!» Так вот все и началось — просто как игра.

Андре принял участие в нескольких телефонных беседах и опросах, на которые ответил при помощи интернета. Было непохоже, что психопата можно выявить каким-либо объективным способом вроде анализа крови. Так что диагноз поставили на основании этих самых бесед и опросов, а также заключения психотерапевта. И в жопу того мозгоправа, который поставил ему кондуктивное расстройство меньше чем через год после смерти сестры! Андре не чувствовал ни малейшего стыда в тот день, когда позвонил кто-то из программы, чтобы пообщаться с родителями, и Исайя, напустив на себя протокольный тон, провел всю беседу от имени его отца, навешав им такой лапши, что Андре просто загибался со смеху, уткнувшись лицом в подушку.

Звонки из программы прекратились, и на несколько месяцев Андре обо всем благополучно забыл, пока все не стало действительно *по-настоящему*. Придя в один прекрасный день домой, он обнаружил, что мать уже открыла адресованный ему толстый конверт. Его первой реакцией было разозлиться на нее, но она повернулась к нему с поблескивающими в глазах слезами, и он осознал, что в письме, должно быть, написано про него что-то, что очень ее расстроило. Она молча вручила ему конверт. Его приняли в университет имени Джона Адамса. Полная стипендия, на все четыре года. «Малыш, как тебе это удалось? — воскликнула тогда она. — Райм, скорей иди сюда!» Последние несколько лет его успеваемость в школе заметно упала, но в выпускной год он заметно подтянулся — хотя все же недостаточно, чтобы рассчитывать на нечто большее, чем Университет округа Колумбия¹. И при их финансовой ситуации ему явно пришлось бы совмещать учебу с какой-нибудь подработкой, чтобы выплачивать кредит на обучение.

В долю секунды к ним присоединился отец, который тоже внимательно изучил письмо. Оба выжидающе уставились на Андре. Ложь пришла на удивление быстро: «Это... это часть их специальной программы, «Память предков» называется, — пробормотал Андре. — Помните тот проект с семейными древами? Короче, если ты сможешь проследить свой род до любого из рабов Джона Адамса, а потом напишешь на эту тему сочинение и все такое, то можешь выиграть бесплатное обучение и стипендию».

Мать молитвенным жестом поднесла сложенные руки к лицу, глаза ее наполнились слезами.

— О господи, Андре, все это... Мы так переживали насчет колледжа, с этой папиной операцией на позво-

¹ Университет округа Колумбия — государственное учебное заведение, не относящееся к числу особо престижных.

ночнике и всем прочим — все это... Все это просто дар небес!

Когда она сжала его в объятиях, Андре в ужасе подумал: «Погоди, ма, погоди!» Но, подняв взгляд, увидел, что Райм Дженсен, его несгибаемый отец, тоже не может сдержать слез. Это все и решило. Он лишь один-единственный раз видел отца плачущим — в день смерти Киары.

Так маленький снежок лжи покатился вниз, превращаясь в огромный снежный ком. Дальнейшее потребовало целого ряда хитроумных махинаций (при перехвате любых писем и звонков, поступающих от программы), терпения и дипломатических усилий (чтобы заручиться поддержкой Исайи), а то и просто обыкновенного везения (оставалось лишь надеяться и молиться, что родители никогда не заморочатся залезть в «Гугл» и не выяснят, что у Джона Адамса на самом деле никаких рабов и не было).

Вот почему первого реального участия в программе Андре ждал с тревогой. Он поднялся на шестой этаж, прислушиваясь к доносящимся откуда-то еле слышным голосам. Прошел по узенькому коридорчику с помигивающими люминесцентными трубками, миновал две комнаты, отведенные для экспериментов, и наконец нашел нужную, в самом конце. Крошечное помещение было побольничному белым и пустым, как лаборатория из какого-нибудь научно-фантастического фильма. Поставив на пол свою сумку с книгами, он сразу запер дверь. От этого здания по спине у него уже давно ползли мурашки.

Усевшись за компьютер, Андре ответил на несколько вопросов касательно анкетных данных, еще раз подтвердил свое согласие на участие в опытах и обследованиях, а потом начал отвечать на вопросы длинного опросника, или даже целой серии опросников, поскольку некоторые пункты были сгруппированы по темам. Чем дольше он щелкал мышкой, тем больше отпускало сковавшее плечи напряжение. На некоторые разделы можно было отвечать честно — хотя кое-какие вопросы потребовали несколько

бóльших раздумий. «Мужчины должны защищать женщин». Полагается с этим согласиться или нет?

Но тут откуда-то за пределами его комнаты вдруг донесся какой-то странный звук, разорвавший практически гробовую тишину, — приглушенный, но все равно очень резкий и отрывистый. Сердце чаще забилось в груди. Это был короткий вопль или взвизг, заставивший Андре застыть всем телом и наострить уши, — словно крик животного, угодившего в острые зубы какого-то хищника, вслед за чем послышался глухой стук. Андре показалось, что он разобрал слово «Помогите!» Он осторожно встал, подошел к двери и высунул голову в коридор. Может, кто-то смотрит кино?

Но тут вопль послышался еще раз, вновь сопровождаемый сильным ударом, который явно донесся от одной из дверей дальше по коридору, из одной из отведенных для эксперимента комнаток. Из-под двери ее падала полоска света, которой определено не было, когда здесь появился Андре. Он услышал горестный всхлип, а потом какое-то царапанье — похоже, кто-то лежал на полу за дверью, пытаясь ее открыть. Может, у кого-то из участников эксперимента припадок или еще что?

— Я здесь! — крикнул Андре, распахивая дверь.

В ярком белом свете люминесцентных трубок на полу извивался и булькал горлом какой-то молодой человек, из шеи которого в неистовом ритме выталкивалась кровь. На полу накопилась уже порядочная лужа, в которой тот беспомощно скользил; стены были заляпаны алыми кляксами и потеками.

Андре не успел даже что-то связно подумать, кроме «Вот блин!», когда этот парень — студент? — перехватил его взгляд и, открыв рот, потянулся к нему.

— Помогите! — выкрикнул Андре. Метнулся вперед, на ходу стягивая свитер. Почему он так долго не практиковался в оказании первой помощи? Когда это вообще в последний раз было — в четвертом классе?